18+

Людмила Захарова

Каким он был

Роман о художнике

Людмила Захарова

Каким он был. Роман о художнике

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24432774
ISBN 9785448532269

Аннотация

Роман о типичной жизни художника на стыке веков и тысячелетий, в смену эпох. Каждый автор разрешает конфликт бытности и бытия, сиюминутного и вечного своим предназначением. Дар или наказание? Вопрос мучает творческую личность, ломая судьбы близких людей.

Содержание

Часть первая Роман о художнике 5
1. 1. Первый визит 5
1. 2. Вторник 14
1. 3. Среда 26
1. 4. Евсей 32
1. 5. Четверг 40
1. 6. Архив 49
1. 7. День 53
1. 8. Ночь 59
1. 9. Пятница 66
1. 10. Второй визит 73
1. 11. Суббота 81
1. 12. Полнолуние 94
Конец ознакомительного фрагмента. 99

Каким он был
Роман о художнике

Людмила Захарова

© Людмила Захарова, 2020

ISBN 978-5-4485-3226-9
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть первая Роман о художнике

1. 1. Первый визит

Дама, имя которой он не открыл, улыбнулась. Не робко, но беззащитно. Почему был? Она улыбается, взирая ребят, задающих неуместные вопросы. Они, примостившись напротив, вглядываются в свет и тени, не замечания ее молчания. Затылок в забытых волнах старинных причуд опустился на спинку кресла. Затяжной взгляд в окно, словно там может что-то происходить (все уже произошло), сбивает пыл охотников со следа. Поворот головы, вяло упавшая шаль. Она качнулась навстречу, но не тронула чашку, только чуть отодвинула блюдце, не пролив кофе. Звон серебра застыл в ожидании… «Каким он был?» Глупый вопрос. Она улыбнулась в ответ открыто и грустно.

– Живым. Отчаянно живым. Не спешите нас хоронить.

– Ваши портреты, ваши лики. Вас не трудно узнать. Здесь доказать не сложно. Но имя? Почему только «Мадам» или «Незнакомка»? Вы были дружны? Он называл вас по имени?

– Да… пожалуй. По имени и отчеству.

– Столько каверзных историй дымится в связи с его работами. Вы читали? Это вымысел? Какого рода ваше знакомство? Вы были дружны? Состояли в отношениях?

– Как вам удалось найти меня?

– Чистая случайность.

– Вы так уверены, что опубликованные «Неотправленные письма» адресованы мне?.. Это ваш первый сюжет?

– Да, – юноши смутились.

Человек, переживший трагедию, известный и популярный, становится мишенью в самый жуткий момент личной жизни. Пища ни для ума, ни для сердца. Пища для зрителей, алчущих приобщиться к искусству. Корень – искус. Кому дано право утверждать, что кто-то уже пережил что-то, кого-то, что потеря восполнена, что все уже в прошлом? Ослепительный свет славы, но люди бесконечно одиноки, как в рождении, болезни, смерти, так и в творчестве. А портреты… что ж, их множество. Привычка между крупными заказами возвращаться к неоконченному. Легко они продавались. В них будни, в них нет романтики. Привычное место модели в мастерской – на мольберте.

– Случилось так, что он не с нами, не здесь… И все чаще говорят о нем, как о портретисте, словно ничего хорошего не создавалось в бывшем Союзе.

– Позировала я крайне редко, только в переходный период в России. Я подрабатывала в Строгановке. Он всегда был занят, был нарасхват, всегда торопили. Вас это интересует? Вряд ли я чем-то помогу вам. Есть подробный каталог его работ.

– Очень грустно говорить об этом, названия картин мало-

понятны… Получается, что в письмах он взывает к портрету?

– Я не столь пристально отслеживала продвижение его продукции, есть близкие, я к ним не отношусь. Уберите вспышку, к пятнице, возможно, что-то набросаю по теме. Это не будет сенсацией, уверяю вас. Я не получала таких писем.

– Так они же «неотправленные».

– Я провожу вас, не спешите. Всего доброго.

Театр взглядов и улыбок. Затейливая игра воспоминаний. Что они хотели услышать? Узнать? Жизнь Тимея? Она собрана в каталоге. Разве уместно добавлять что-то, не имеющее отношения к нашумевшим выставкам, если речь завели о художнике? А человеку несвойственно выставлять напоказ глубоко личное – счастье или беду, или глупость, забавную наивность тех лет? Стоят ли описания бытовые дрязги? Подобрать для мальчишек сотню прилагательных по словарю? Каким он был?.. Высоким, худым, огромным, невзрачным, бледным, уставшим, иногда загнанным, нахлестанным, потерявшим деньги и документы, даже побитым однажды. Почти депрессия, от голода кружится голова. Высыпает все, что осталось по карманам, вылавливает жетон на метро, исчезает, забыв ключи. А завтра ждет в машине, невозмутимо поедая бананы, самонадеянно рассчитывая на то, что я почувствую, как он меня ждет с добычей в клювике. А меня нет, я сплю дома, привычно закрыв мастерскую. И телефо-

на тоже нет. О чем мы думали? О чем говорили, переживали? Бог наказывает за чрезмерную щепетильность, за обилие неинтересных заказов и расходов, за лишнее напряжение, что во вред творчеству. Всегда. Вдохновенный, умный, сильный, казалось, неиссякаемый…

А после. Просто перевоплощение. Очередная новая жизнь. Щедрая бездонность непроницаемой души. Естественный рост незаурядной личности. Всего лишь.

Безумно-интересный и замкнутый. Зачем обрушивать шквал откровений в прессе? А просто мир перевернулся, рухнул, не осталось места обитания для двоих. Нигде. Никогда. Что можно исправить письмами? Ничего. Совсем ничего. Только свои воспоминания, но каждому помнится иное… Развод? Просто переезд. Пустота и отсутствие времени. Убытие. Легкая депрессия страсти, вспыхивающей после. Музыкальные иллюстрации разлуки навертываются слезами безболезненно. Следить за стрелками на циферблате бессмысленно, ибо все бесконечность. И взгляд, блуждающий по оледенелым веткам за окном, ничем не ограничен. И можно предположить листья на обоях живыми, в них затерялись наши встречи. Всего в избытке.

Далекий 1987 год. Частная коллекция. Но разве мы были? Мы есть и будем, будем жить, чтобы не случилось. В том недеянии зародилось нечто. Загадочное притяжение, уже не требующее реального сближения. Странная линия, разделившая прежний уровень общения от будущих синхронных

бедствий, не оставивших мест для обид или непонимания. Достаточно слов и умолчания по телефону, быстрого взгляда на людях. Поиск мастерской, деньги-деньги-деньги, удушающая теснота и прочие тяготы, распри семейные, немного юмора и ожидание светлых дней. Переждать-пережить. Ненасытная пустота, съедающая силы. Сколько это длилось? Ровно столько, чтобы привыкнуть к неизбежности понимания происходящего ничего – крошево мыслей, настигавших нас одновременно. Мертвенная бледность и оледенелые ветки? Где он увидел их? В Париже, Берлине? В моем окне? Только сон обретает зазубренные контуры правдоподобия, напоминая о подобии жизни утром. Догадываешься: поздно, ибо реальность дня укоряет заброшенными делами и скоро вечер. Ничего не успеть, не переделать – поздно… Увиденное во сне не уместить в рамки реальности, в рамки будней. Обыденность отодвигается. Неизвестность превращается в надежды, несбывшиеся мечты. Но никто об этом еще не знает. Мы живем-ждем – чувствуем друг друга через стену, через тысячу верст. Мы игнорируем отчаянное осознание ненасытной пустоты в сердце, созерцая несовпадения. Утешения по телефону: «Переждать и еще, и еще немного переждать. Мы многогранны, высокомерны, мы одиноки в меркантильном миру. Мы живем многими жизнями».

– Созерцатель, уже не художник, Тим.

– Зря, ты можешь, это мелочи… – в трубке шорохи нового приюта. Связи нет.

Рано или поздно человек сталкивается с реальностью. Дух творческий не обходится без иллюзий, так думают люди иного измерения, где дни состоят из будней, ночей для сна – отдыха от кухни, обеда, соседа, родственников, кошек, собак, детей, двоек, квартплаты, очередей, талонов и так далее. Каждый волен измерять свою жизнь, чем вздумается или как придется. Или не придется. Скушные люди плетут веселые коврики из пестрого клубка лоскутков нищеты, решая – как прокрутиться до аванса. Живущие в собственной иллюзии, что они живут, нечаянно сталкиваются с чужой реальностью, удивляются, осуждают. А почему не так, как мы, а зачем же еще что-то. Не до жиру… На лестничной клетке нас облаяла баба с младенцем на руках, воплями пытаясь обратить наше внимание на то, что она вся в дерьме. Нам ни смешно, ни интересно знать о засоре канализации. Тимею потом досталось от хозяйки за оставленную настежь квартиру. А что в ней было кроме половичков? Картина еще не высохла… Разве достойны внимания эти стычки, поиск нового приюта?

Помнится, мы часто смеялись в нашей стране, чтобы не сойти с ума, пробираясь по коридорчикам коммуналок сквозь волны ненависти, шушукания, оскорблений. Фейерверк ощущений, словоблудий, умничанья, жестов, улыбок, толкований снов, гороскопов, рун, нескончаемых песен под гитару на кухне, подпольных концертов, неистового шейка, рока, друзей, налетавших без звонка, наивности, заблуждений, распахнутой души, мусор посторонних дел, а сами со-

бытия тают, оставив лишь смуту. Походы на байдарках, автостопом, залеты, свадьбы, аборты, разводы, щелчки по носу от вышестоящих комсомольских вожаков, самообразование – без экзамена по истории КПСС, самиздат из рук в руки на одну ночь, погоревшие на этом, покинувшие страну, подрубив карьеру родителям. Мы не золотая молодежь, мы хипповали всерьез, мы сгорали, бились, поднимались… Думать – петь – писать – дышать. Мы так жили.

Разве не счастье, быть столь беспечными? Ожоги, как же без них… волны вторых осмотрительных браков, серьезных отношений. Мы думали, что повзрослели… Неопознанная радость, ненасытная жажда познания, стремление к совершенству, непознаваемому и споры, споры, споры… Несусветная глупость амбиций. Потери, уходы друзей по-английски из-за осмеянного стишка, утраты близких, невосполнимые уходы… Сумбур нахлынувших чувств рисует свою версию, а Тимей остается Тимеем – самим собой. Правда только в том, что он художник. Очередная крайность – тайна обитания.

Вспыхнул свет, облив чернилами стекла, чиркнув хрустальной искрой, заронил уверенность в том, что это уже было. Резкий переход. Мир перевернулся однажды. Без тебя. Уходя до вечера, мы не догадываемся об этом. Катастрофы, катаклизмы, неприятности, болезни, но уже без тебя. А музЫка все та же. Стихи новые, сны фантастически правдоподобные, иллюзии, не последние, конечно, но уже в другом

мире, где нет сорванных кранов, ненужных людей, неустроенности и досады. В новом доме вырастет добротная уверенность в правильности поступков. Плохо ли это? Хорошо ли?.. Не знаю. Просто без тебя. Забвению преданное, колкое, зябкое состояние притягивает иглы-шипы миллиона алых роз от Аллы Пугачевой. Как же без нее в ее-то царствование?.. Оборванные нити, клубки, коих не распутать, бахрома душевных потрясений свисает лохмотьями посеревших от пыли декораций. Спектакль сыгран. Жизнь состоялась и даже устоялась. Зачем без тебя? Ощущение праздничного восхищения свойственно немногим. Именно это ушло из будней, оседая картинами на чужих стенах. Нам оставалось чистое полотно и предвкушение любви, чувство более острое, чем долгий праведный брак. Осознанное одиночество…

Зажмурившись от света, надо успеть скрыть осколки мыслей незаписанных, невысказанных никогда, никому… Просто некому. Уход в себя от забот, страданий, интриг, разочарований приносит наслаждение покоем. Антон привлек к себе жену, пробуя заглянуть в глаза, но она уткнулась в плечо.

– Привет, Лисенок, что там нового за окном?

Она задернула шторы, чмокнула в щеку и осмотрелась. О том, что в доме были гости, он догадался по запаху кофе. Муж с удовольствием заметил нетронутую чашку, приятно быть уверенным, что не будет повода для сердечной аритмии у Лисоньки. Его забавляло выражение ее лица, ребенок, же-

лающий схитрить, будет помалкивать весь вечер. Но Алиса сразу сообщила о визитерах, что не вызвало никакого беспокойства у Антона, некоторое внимание к увядающему бизнесу было бы полезным, даже через жену.

1. 2. Вторник

Утренний визит обошелся дешево, а памяти маловато, но все кадры удачно получились, кроме Катюшкиного дня рождения, заснятого в лесу. Семен посчитал количество листов фотобумаги, хватит только для «мадам», распечатал «сенсацию» и осторожно развесил на голой стене комнаты.

В полумраке прихожей дама в длинном платье словно отшатнулась от внезапного порыва поцеловать ей руку. Картина «Дефиле». Это она в вечернем наряде, усыпанная бриллиантами, на миг застыла в свете рамп и сейчас резко развернется, чтобы исчезнуть. «Лучом полоснула по сердцу», – пишет Тимей. Художник может мечтать, сочинять. Но в такие совпадения сложно поверить. Она существует! И двигается в жизни так же, как на полотне и в тексте. Он талантлив. А ей пятьдесят лет! Не может быть. Какие живые глаза! «Отчаянно живой!» Это непонятно. Совсем. Она нарочито не включила свет в коридоре, чтобы скрыть свою взволнованность. Что-то скрывается за этим, однозначно.

На курсе его называют ловцом сенсаций неспроста. Если бы он не закутил с кудлатым поэтом Онисимом, назвавшим себя последним Скитальцем, в его огромном подвале, то вряд ли удалось бы узнать о существовании «Незнакомки». Поэт стенал под гитару, иногда прерываясь, чтобы впасть в экзальтацию, крича о несправедливости, брыз-

гая слюной и запивая разочарование от прочитанных чужих стишков то пивом, то водкой. Он устал швырять журналы и уже тыкал воблой в страницы, где напечатали какую-то куклу с бабьей чепухой, а ему тогда позарез нужны были деньги. Он был молод и влюблен, влюблен в богиню – не меньше! Он икнул, значит, уже готов.

– Если бы не эта стерва (имени богини он уже не помнил), вылепленная мною собственными руками, то разве я бы пал так низко?

Он убеждал Семена, что его печатали, много, но поздно, кормушку прикрыли, да и Союз, все союзы-профсоюзы распались, мир рухнул. Семен не верил, особенно, поэтам. Если покопаться в прошлом, он на любого мог бы найти компромат. Онисим, выпучив глаза, приняв стойку Дали, отведя согнутый локоть, вперив взгляд в пространство, издевался над строфами начинающей поэтессы, учительницы русского языка в простой московской школе. Он ненавидел каждое слово сиюминутной пьяной неукротимостью. Это было его единственным развлечением, после сбора «макулатуры» по районным помойкам. Книг выбрасывали много, что-то даже принимали букинисты. Семен отобрал журнал. Надоело. Прочел: 1989 год Москва.

Лицо притягивало и казалось знакомым, но по году издания, она, пожалуй, седая бабушка. Онисим сник, уткнулся лицом в кипу бумаг, хрипло бормоча проклятия всему миру. Пора уходить. Он завел будильник для приятеля, погасил

свет, электроплитку и уже с лестницы вернулся за журналом «Юность», так, на случай, он не любил неясностей. Кружева заинтриговали. Для барышни конца двадцатого века вполне сносные стишки, нынешние самки-хищницы в эротических снах вряд ли услышат музыку Шопена, видения более прозаичны, более ритмичны, агрессивны и алчны. Катька не скажет, кто это – Шопен? Ее, перекошенное страстью лицо, порой вызывает отвращение. Он передернул плечами, предвидя упреки, что не на чем напечатать придурошно высунутые языки – отвратительное самолюбование в каждом снимке.

Конечно, неразумно пять лет изнывать в пустыне Казахстана переводчиком у американосов, чтобы заработать на обучение, и пропускать лекции. Сама же вызвалась порыться в архивах по заданной теме, а он ведет себя, как свинтус, подлец, далее по полному трафику… Придется проглотить, а что делать, у этого препода зачет не купить. Верить совдеповским изданиям глупо, да и вся группа пользуется одним источником, а википедия – это слишком скудно и неинтересно. Говорят, великий был художник, наглый, техничный, как Дали, но изменил классическому стилю, увлекся космическим цветом, оскандалился на последней выставке, запретил распродажу, вроде как был не в форме. «Письма из небытия» публиковались, но были мало известны, пока журналы не завели интернет-версии. Москва, Питер, Париж, следы теряются, нет картин – нет шума. Два семейства вели битву за права, но пораспродав картины, поделив денежку,

договорились молчать.

Катерина недовольно листает каталог, ехидно поглядывает на Вадима и Тасика, пытающихся уловить в снимках нечто.

– Уже пора включить свет. Вас оставили в прихожей, как мальчиков, она и капли ясности не внесет. Да. Это она! Ну и что?! Кем была Джоконда, «Неизвестная» и наша мадам? Домохозяйкой! Вы об этом будете писать? Денег вам не заплатят, фиговая практика, ладно, если зачет примут. На фотографии она почти не изменилась, тот же ракурс, но взгляд… Какой-то не наш.

– Мы откроем тайну творческого надлома.

– Боже мой! Да какая же здесь тайна? Выдохся и уехал. Да, был роман – мучительный и долгий, где ничего нельзя изменить. И если они скрывались, то зачем ей раскрывать карты? Она может, конечно, высудить малый процент от скандальной известности Тимея, но она не была топ-моделью, это нереально…

– Катюш, ну почему ты так запросто решаешь то, о чем и они не задумывались. Нет нигде и намека на личные отношения, никто и не догадывался, что дама с портрета жива-здорова. Всегда говорили только о нем, редко о семьях, обе супруги отзывались о нем прекрасно – по словам детей. Нет и намека на общепринятое сегодня. Он очень много сделал, устал, поэтому вторая жена увезла его, сменить обстановку, тему. Именно дочь от второго брака имеет право рас-

поражаться его наследием, проводить выставки.

Катя повела плечами, словно стряхивая досаду, помолчала, закурив новую сигарету.

– Было бы доверие, не было бы скандала, почему он отказался продать в Париже свои работы, хотел закрыть выставку? Об этом много информации. Если была топ-модель, то почему бы не сделать ей рекламу? Обычный обмен, это же деньги! Бизнес! Все-таки странно, что более никто не пользовался ее натурой…

– Тимей не боялся конкуренции, он выиграл гранд, будучи преподом в Строгановке, учился в Германии.

– А я чувствую, что его сгубила умопомрачительная страсть, он не сделал выбора – с кем жить дальше, а просто сбежал, но не вынес разлуки, начал письма писать. И снова страх…

– Страх падения рейтинга? Однако, бабы…

Семен оглядел подругу, размышляя, затевать ли спор, ибо все сведется на личные, прискучившие ему отношения.

– Знаешь, Катюня, дай нам поработать. И хватит курить, лучше займись собой.

– Время было другое, они слов-то таких не знали, мне кажется, что художнику мешала семья. Он задыхался, вмешивались в творческий процесс такие курочки, как Катя (деньги, кредиты, шубки, брюлики, машинки для блондинки), и все шло прахом.

Тарас исподлобья смотрел на Катю.

– А мадам мудро соблюдала дистанцию и вошла в историю академической живописи, не претендуя на славу автора, собственность создавшего образ. Возможно, она понимала, что всегда будет лишь удачной моделью известного художника, пока молода, а потом ее сожрут.

– Она или он сделали замечательные выводы, напустили туману, в котором каждый подумает в меру своей испорченности. Это привлекает. Рекламный трюк. Поэтому ни слова о ней. Нигде, никому. Не так ли, Вадик?

– Я не всегда имею настроение вступать в разговор. Именно – вступать, словно в желе… Многоликий образ. Не загадка. Образ один, а взыскующих глаз неисчислимое множество. Поэтому чуть выше мольбертов и пытливых взоров. Посвящать в свои замыслы недосуг. И просто докука – до… Домыслы. Лиловый край. Приближаясь, лиловая планета исчезает. Я готов закрыть глаза и не возвращаться, но видение исчезло. Гуманней не знать о ее существовании, а просто любоваться, мечтать. Велика ли необходимость? Существует ли смысл? Не более чем мы с вами. Стоит ли беспокоиться? Это вне нашего сознания. Извне. Уловка, магия? Таинство паузы. Всегда просится пауза, после встречи с прекрасным. Восторженная ретушь возгласов: «Она была!» и пафос и бесстрастие увязнут. Желе. Легкий десерт иллюзий. Чернильные шторы ночи. Свечи. Все возможно. На радость? На зависть? А вот так зарисовалось… Не все ли равно нам – балбесам – знать, спали они вместе или врозь, что бы написа-

лось этакое очарование во взгляде. У него куча пейзажей, натюрмортов. Да, это жизнь, но у каждого она своя. На портретах образ любви, она не есть бытовая повседневная утеха. Отмахнуться бы от этой темы, речь ни о чем конкретном, а ощущение, что влюблен… Влюблен в призрак чужой любви. Так ведь, Тасик?

Тарас судорожно потянулся, отвлекаясь от снимков, огляделся, затушил Катькину сигарету.

– Сумерки. Материала на грош. Ерунда. Не о душевной же смуте, навеянной каталогом и теткой, писать в статейке? Ощущения. Не понять нам тех принципов, ни их самих, ни чем они дышали. Мы другие, нам многое кажется лишним в прошлом веке. Нечто вечное, огромное осталось в лицах, а в нас этого нет. Требуется три листа прозы о человеке, сделавшим себе имя без современных технологий. Как ему это удалось, мы можем знать через ответ на вопрос: каким он был? В школе, дома, в постели? Каким он был?.. Нервным? Нудным? Злобным? Как достиг карьеры и богатства, как упустил бразды правления двум самкам с детьми? И зачем сменил род занятий на уходящее из жизни писательство? Что значит «отчаянно живым»? Он любил спорт, богемных прислужниц, автомобили, детей (их трое взрослых) или нет? Вторая жена была моложе на пятнадцать лет, первая очень миловидна, сейчас у нее другая семья. Почему? По любви. А что было прежде, тридцать лет назад? Вероятно, он был несносен, нетерпим, неудобен. Именно –

неудобоварим в быту. Об этом буду писать. Факты биографии важны, а не уходы от вопросов. Ничего бестактного мы не спрашивали. Я согласен, Вадик, существуют и притяжение, и эмоциональная напряженность, так ведь на то оно и искусство! Талант во всем талант, я так понимаю. Ведь письма – почти белый стих, а не проза.

– В первые годы никаких лирических отступлений, жесткая классика, темный фон, строгие рамки советского периода. Затем декорации светлеют, меняются по настроению, декольтируются, волосы тоже в легком беспорядке, словно на ветру и образ все изысканней, воздушней, вот-вот улетучится. Художник трансформируется, исчезает. Так отчего же они не исчезли вместе, если настаивать на Катькиной версии? Ничего не понимаю, зачем вводить в заблуждение потомство легендой о трагедии бытия художника?

– Яснее ясного. Он женат, она замужем. Об этом-то, надеюсь, вы не забыли спросить? Конечно, забыли! Я уверена. И так было всегда. Она умна, красива и практична. Зачем же ей быть женой с клеймом прислуги?! Или наоборот?.. Тогда не писали в анкете: в отношениях или в активном поиске. Нравы общества карали за откровенность в связях. Нормы поведения, этические устои, вроде так называется. Нелепые законы. Роскошь менять партнеров, менять апартаменты не приветствовалась. Дикая страна была, секса не было, поэтому я, конечно, могу согласиться, что у них были только рабочие отношения.

– Ага, а в средние века за измену женщин сжигали, я недавно прочел в учебнике. Не верите?

– Трудно спорить о том, чего не знаешь, мы там не были. Вам, бабам, везет, лассо накинете на лоха, родите ему бебика и на всю жизнь обеспечены. Хорошо устроились.

Семен раздражающе щелкал зажигалкой, ожидая, когда же схлынет энтузиазм коллективного творчества, все умолкнут, разойдутся. Студенческий романтизм надоел. Им легко, они моложе его на пять-семь лет, о них позаботились родители, а он сам оплатил гуманитарный курс МГУ, чтобы стать белым воротничком. У Катьки скоро овуляция, если залетит, то он женится и, конечно, переедет в ее квартиру, купленную ей предками. Вот было бы счастье! От мужской повинности отдохнул бы за беременность!

Его утомляла взрослая жизнь, что-то противное было в этих законах природы, трактуемых по новой моде. Ему не нравились нравы девочек из общаги, но и у Скитальца он чувствовал себя чужим. В прошлом веке не все было ладно. С ним можно выпить, но редко. Почему его мучает какая-то совесть? Внутренний голос тут же переспросил: «незаслуженно?» Надо сходить к аналитику. Что мне до того, что происходило у кого-то тридцать лет назад, кто кого превратил в легенду, предал. Он превознес секс на недосягаемые высоты, с которых навернулся нечаянно. А ей спокойнее быть домохозяйкой, такой же, как и его благоверные супруги… да и Катька. Глупо, досадно.

Все-таки браки или совместное хозяйство не лучший способ существования полов. Загвоздка, скорее всего в том, имеет ли он право открывать ее имя. Сейчас зрителя провожает влюбленный взор незнакомки, это необыкновенно приятно, поэтому так дороги эти работы на аукционах. И Вадик прав, лучше бы ничего не знать о ней. Утренняя жажда застать ее врасплох теперь кажется постыдной. Это чужие люди из прошлого века и живут они в старом доме, где нет спален с игрушками для секса. Трудно представить, и пошло гадать о том, где и как любилась эта парочка. Допустим, если это имело место быть, то когда же они рисовались. Он же очень плодовит, когда бы он успел такую уйму выставлять на продажи. Тарас прав, еще пейзажи, акварели… тоже работа. Вот он мечется на экране: «Привет!» Еще два-три слова клиенту, торговцу, жене, кто-то еще спрашивает и все на бегу. Его темп ничуть не уступает третьему тысячелетию в скорости общения, только без гаджетов, интернета. А взгляд мадам держит на дистанции: вам не понять. Действительно, иной уклад, доживающий свое. Свое, но не чужое…

Семен вздохнул. Допустим, он поспешил бросить службу по контракту, там он был на своем месте. Впервые ему стало неловко представлять чужое соитие, в своей бы постели разобраться. А Катерина никогда, ни разу так не смотрела на него. Никогда…

– А ты, Катерина, решилась бы стать женой гения и не мешать ему в творческих исканиях?

Семен очень недружелюбно, тяжело взглянул на нее. Она перестала теребить его плечо, отстранилась, прошла, извиваясь, за ключами от машины, накинув пальто.

– Конечно, если будет прилично платить, чтобы не слышать причитания родичей. А если тебе первая заметка дороже будущего ребенка, то шел бы ты лесом и полем…

– Знаете, ребята… Вадик, давайте ломанемся по девочкам, может быть, кому-то ведро икры прислали, а вы без нас решайте свои проблемы.

Но Катерина уже подняла вихрь недоразумения и спешно удалилась. Тасик пожал плечами: как угодно, господа. Вадик не удержался от реплики:

– Если бы Катька была горда, как мадам, и не вернулась более, то Сема любил бы ее, как несбывшуюся мечту.

– Поживи с мое, узнаешь, что все они думают о радостях секса, девочкам просто больше нечем заняться. Обнародование отношений ненормально. Вадик, это не желе благородного семейства, это болото, зыбучие пески. Общее житие, а жития-то и нет. Тусовки, пьянка, обжорство, снова голод до следующего транша северянкам. Пьют со всеми, дают всем. Жуть… и мы к ним пойдем! Нет уединения, нет вкуса в этом обиходном трахе, нет таинственности. Тимей поступил мудро, скрыв интимные перевоплощения, скрыв имена и даты. Только одно странно, зачем ему понадобилось рассыпать пепел чувств по французским журналам? Сейчас бы он писал ей в инете. Послания ни о чем, никому. Есть какая-то

болезненность восприятия. Наверно так и есть. Ладно, идем на геофак?

– Семен, о каком уединении для двоих ты говорил? Групповуха уже собралась в обычном составе.

– Спать не дадут, не надейся.

1. 3. Среда

Раннее утро Антона просачивается сквозь занавески. Звонок не потревожил Алису, только коленка устала от тяжести одеяла, выглянула наружу, притягивая поцелуи. Антон медлит уходить, ожидая пробуждения жены.

– Лисенок будет меня ждать? Лисенок будет лениться? А кто же будет завтракать со мной? А где живет доброе утро? Здесь? Под мышкой? Под кошкой? Под кошкой! А кто так вкусно пахнет?

Алиса взвизгнула. Сегодня они могли позволить смешливую возню. Подросший Антошка предпочитал дом старшего брата, подарив родителям ощущение беспечности. Им удалось остановить время, жить юношеским восторгом невинных открытий. Желание раствориться друг в друге пришло в ночном шептании, прикорнуло в прерывистом сне и казалось метафорой. Но поэтическая действительность – осмысляющая сторона жизни. Духовное единение оживает во всем, превращая соитие двух тел в неделимое целое, незримым облаком укрывает от нервозной суетной заурядности, грязи. Дела идут легко, стоит только подумать о проблеме, а решение само приходит на ум, единственно верное – инстинктивное.

Лисенок не утруждала себя долгими раздумьями, все вершилось по наитию, зачастую вопреки доводам разума. Жить,

ничего не делая, от озарения к озарению, казалось весьма странным, но Антон притерпелся, тем более в делах семейных им всегда сопутствовало везение, не смотря на опрометчивые решения импульсивной Алисы. Внезапно она съехала от мужа, в свою необустроенную комнатку, он без лишних слов предложил ей жить вместе. Мороз пробежал по спине. Антон продолжал завтрак, улыбаясь в усы, превозмогая сладкую истому в теле, принял пустую чашку из рук Алисы, и она ловко завернулась в одеяло, демонстрируя неприступность. Да, пора на работу, надо уходить.

Он полюбил этот район, они уже обжились в новой квартире. Комната Алисы оказалась в доме под снос, но ее как муха укусила: купи то, другое, третье. Чего ждать – когда снесут, живем сейчас! Поэтому покупка трехкомнатной квартиры за полцены с субсидией для очередников на улучшение жилплощади накануне грянувшего дефолта просто подарок судьбы. Больше всех ликовала теща, выписавшая никчемного зятя из дома. Даже дети стали доступны для общения.

– Знаешь, Антон, что может стать сенсацией для непрошенных гостей? Они не узнали кисть Тимея, а я смолчала. Горные пейзажи. Тебе не будет их жалко?

– Мне будет жалко тебя. Расплывчатые фантастические цвета. Подарок тебе. Космогонические акварели скорее в твоем стиле, дабы потрафить даме… Нам нужен скандал? Разве нас утомило спокойствие?

– Да, ты прав, я не подумала. А, если честно, у меня внутренняя уверенность, что счастье безгранично. Я не смогу жить без душевного равновесия.

– Иногда мне кажется, что мы единственная счастливая пара в безумном мегаполисе. Рядом с тобой я чувствую себя мальчишкой, бегущим на первое свидание, а все дела – срочные и важные, становятся попутными, устраиваются мимоходом. Мир стал ярким, каждый миг незабываемым.

– Охранная грамота любви. Чувство защищенности от нападок внешнего мира, от соблазнов, наконец. Поклонники меня искушали, я и сама не понимаю, как оказалась в одной лодке с тобой.

– Лодка была подводной, – рассмеялся Антон, помянув о делах.

Алиса помахала ему из окна кухни, едва прикрывшись занавеской. Привычная шалость, а бодрит. Можно весь день крутиться в приподнятом настроении, застревать в пробках, не разлучаясь с призрачным силуэтом в проеме окна. Изумительно красивая девочка. Антон уже уверенно выезжал с парковки, она привычно перекрестила его в след.

Блаженное уединение, долгожданная беспечность. Беспричинная радость. Надрыв торопливых признаний обманчив. Быть честным трудно, но еще трудней – не врать себе. Редкая парочка сознается в том, что их связало любопытство, что они заигрались от скуки и пришли к логическому выводу – заключить брак. Неразделенное чувство –

всего лишь потребность исполнить заповедь любви. Не сама любовь. Милый мальчик год прожил в воздержании. Увидев обнаженную натуру, оказался скорострелом, залил ее. Она не рассмеялась, а сделала маску для тела, что изумило и восхитило его. Гормональная маска для омоложения. Какая прелесть – отдельная квартира без соседей и детей, броди нагишом, любуйся, дурачься. Душ они приняли вместе, три часа утра – время чудес.

«Мы живем многими жизнями», – часто говорил Тимей. И вот одна из них началась сумбурно, безоглядно. Без тоски, без отчаяния. Нежданно-негаданно сквозь марево небольшой температуры обнаружилась беременность. Врачи были в шоке – срок большой, открыто говорили, что есть риск потерять и мать и ребенка. Безработица процветала, копеешные пособия в соцзащите. Случилось страшное, раздражение благоверного вылилось в то, что он пристрелил кота, пометившего разобранный видеомагнитофон, взятый в ремонт. Евсей без памяти прибежал среди ночи. Сначала ему приснилось, что отец убил кота, он подскочил от ужаса, искал его в квартире, но нашел под балконом – мертвого. Алисе пришлось самой хоронить кота, забирать вещи сына, в школу все равно идти надо. Антон доброжелательно кивнул за чаем: «Конечно, пусть поживет с нами». Алиса взорвалась:

– Что значит «поживет»? Он к матери пришел, и будет жить со мной! Или мы уйдем к себе.

– Куда вам уходить? В пещеру?

Насмешливая интонация, позиция хозяина отрезвила Алису. В тот же день в пещеру переехали книги, диван, вещи сына. Дед с бабкой рыдали, умоляя не забирать внука. Благоверный в свое оправдание устроил истерику, что ему в детстве не разрешили завести собаку, а этому засранцу любые капризы. Бабка охнула: «Какую собаку в коммуналке можно завести?! Пятнадцать семей на кухне. Были, хомяки, птички, ужа из банки упустил в коридор, так участковый приходил, тебе тоже ничего не жалели. Постыдился бы в сорок лет родителей упрекать». Алиса примиряюще выставила открытые ладони: «Успокоится, сам придет, уже взрослый мальчик».

Евсей взялся за обустройство спальных мест в поэтическом убежище. С робкой улыбкой он заглянул в комнату, но спрятанный за пазуху котенок мяукнул, Алиса воспрянула духом: «Масяська моя!» Жизнь продолжается! Антон заходил часто, приструнивал соседа, приносил еду, смешил, но боялся затронуть главное. Каждый новый день сгущал краски, прыгало давление, пульс частил и проваливался, не хватало воздуха. Сложно представить грань женской выносливости. На тридцать седьмые сутки после операции Алиса оказалась дома, один на один с новорожденным. Изнуряющая слабость, отсутствие аппетита. Антон рвался изо всех сил. Собственная беспомощность угнетала Алису, она отталкивала его едкими словами, пожеланием найти себе здоровую женщину.

Случайный звонок сокурсницы Евсея изменил положение. Антон Христа ради попросил ее зайти днем, покормить жену, поменять пеленки маленькому. Нина пришла с задачей по физике, изумив Евсея наглостью. Именно они выкормили Антошку, и по сей день пестуют его, не заводя своих детей. Страшно вспомнить, – подумала Алиса, опуская занавеску. Иногда ей казалось, что она живет чужой жизнью, что все ее настоящие чувства и переживания остаются в рукописях, которых никто не прочтет, Тимея-то нет.

1. 4. Евсей

Отповедь была замечательной.

– А земля еще вертится? Вертится, я чувствую, она уходит из-под ног.

Евсей моргал, слушая, не воспринимая отповедь. Конец света уже наступил, и это случилось под утро. Была богиня и не была богиней. Мама права. Сумасшедшие всегда правы. Они не стареют. Они живут со скоростью двести пятьдесят миллионов лет в час.

– С чем это сравнить?

– Только с воспоминаниями. Чем доказать? Словом. Представь бесконечность – скорость вечности. Это покой. Безмятежность. Умиротворение. Нет дня, нет ночи, лишь мягкий свет, незаметное дыхание и тень пролетающих ангелов.

– Эйфория!

– Ночи страшны своими размышлениями, сомнениями, изнуряющей каторгой бессонниц, отмени их в своем сознании. Как просто задремать под райские напевы, не беспокоясь о ночлеге. Рой светлых мыслей разбудит радость созерцания. Абсурд мучает тебя.

Сумасшедшие – самые счастливые люди на земле, на этом привычном свете, где так тепло, уютно. Было. Чем возразить? Для нее так давно все кончилось и началось иное, до-

вольно обременительное пребывание в нашем рассудительном мире. Мучительное появление Антошки лишь усугубил ее конфликт с реальностью.

– Бремя совместной жизни – как его принять?! Бесконечные мелкие заботы, требовательность, унижающее потребительство. Все не так и все-то неладно. Какая богиня? Просто баба. И я содрогнулся от прикосновения. Я был талантлив и практичен. Я был. Меня растоптали, утопили в повседневной черствости, распродали в текстах моих работ. В старых папках еще хранится мой счастливый взгляд и полет мысли в каждой формуле, в каждом дне, минуте, вместившей века.

– Полет мысли бесконечен, как его не продавай, – улыбнулась Алиса, словно ничего не произошло, словно сегодня среда, а завтра – четверг, а за весной придет лето и так далее. Все временное – пустяки, ибо душа живет вечно, перелистывая существующие миропорядки.

– Теория, по-гречески, означает созерцание. Ты был доволен происходящим, хотел быть обманутым и обманулся. К этому не принуждают. Я рада, что ты возмутился против земного притяжения. В царстве духа говорят без слов, живые и мертвые понимают друг друга. Поэтому, сын, ты пришел ко мне.

– Дух аристократичен? Это не для всех? Ты хочешь убедить меня, что это не сон? Или я схожу с ума от разочарования?

– Кому что нравится. Духовно заземленные люди состав-

ляют земной покров, это трава, сохраняющая почву, способствует возрастанию более значимых особей. Нет ничего обидного в этом, все, что народилось, имеет свое предназначение. Механистический мир ньютоновского естествознания отравил не одно поколение. Только помни, что телесно органическая сущность человека обладает восприимчивостью, стремится к познанию Творца. Будь снисходителен к умственным особенностям ближних. Опробуй чувственное познание инобытия без схем и формул. Начни со своей собственной душевной атмосферы, и ты почувствуешь, как река времен исходит из тебя и возвращается к тебе. Чем прогнать твою смуту? Да и надо ли? Любовь становится игрушкой в грубых руках праздно любопытствующих. Хрупкое гибнет. Но гибнет только в их сознании, остается невнятное впечатление о ней. Люди смертны, а любовь вечна. Была ли твоя любовь красива? Наверно. Как дитя, еще не осознавшее свои женственные формы, к которым стремится чувственность. Бытовые отношения лишь арена, часть от целого. Анализируй ситуацию, будь честным с собой. Тебе под силу. Ты молод, красив, умен. Пусть будет пустота, не день, не два, а годы. Ты на пороге зрелости…

– Порог зрелости? Мне кажется, что я перешагнул его, когда мой папа умер, не дождавшись прощения. Я уставал с тобой, ты от всех требуешь заботы. Он так старался, а ты ушла, бросила нас, витая в облаках. Человеку надо что-то есть, и я четко знал, как мне жить дальше. Знал. До сего-

дняшнего утра. Любовь это стремление к высшему порядку, десять заповедей, как правила дорожного движения, чтобы на всех поворотах и перекрестках не случалось аварий. Я согласен, что вектор движения должен совпадать у супругов, в одной машине, а мы застряли на обочине, увязли в спорах. Нет единодушия, как у вас. Антон всегда оправдывает твои глупости, ты непогрешима. Я не могу смириться, сейчас ты – уже не ты. Зря ты ушла от нас. Никто тебя не корил, только жалели. Мир тогда рухнул. Я это сегодня понял, когда брел, как потерянный, улица пустая и слышу обреченный вздох отца: «Оболтус». Не обижайся, но, по-моему, ты недолюбливала меня или вообще никого не любила.

– Нет! Боже мой, все не так. Мы осознанно не подавляли твою волю, не наказывали. Ты рос очень серьезным, осмотрительным, никогда не переспрашивал, понимал с полуслова. С рождения мы уважали в тебе личность, а не собственность для воплощения своих амбиций. Человек не имеет права на другого человека, но я редко встречала родителей, которые действительно любят своих чад. В детях ищут свои невоплощенные мечты, не замечая интересов ребенка. Обычно родители заняты собой, распрями, дележкой, отмахиваясь от почемучек. А если их отвлекают в неурочное время, то начинают воспитывать – кнутом иль пряником. Все по настроению, ничуть не вникая в причину надоедливости отпрыска.

– Я рассчитывал на свои силы, вы твердили, что у меня

своя жизнь, задачи, что вы свою школу закончили двадцать лет назад. Не было чувства защищенности, не было запретов. И как вы не боялись, что я наделаю глупостей, попаду в дурную компанию?!

– Ясно было, что это не твое. А как Антошка? Надеюсь, он загружен по полной программе?

– Решайте сами, нянчите сами. Я не буду кусать вас за пятки и орать, что вы мне собачку не купили, ежика-гадюку не разрешили, а этому засранцу все дозволено. Ладно, готовь обед на четверых, вечером поговорим, я остаюсь у вас.

Евсей не любил сантиментов и даже не оглянулся на окно. Занимаясь кухней, Алиса винила себя, что не приучила его быть внимательным, добродушным. Он не груб, но трудно подступиться к всегда занятому человеку. Да и Ниночка была замкнутой, неулыбчивой девушкой. Стол накрыт. Она присела, ощутив затылком прохладу стены, погрузилась в размышления. Знакомый запах заставил ее вздрогнуть. Она не слышала, когда мужчины вошли. Антон чмокнул ее в макушку, рассмеявшись испугу, Евсей приложился к ручке и, подтолкнув Антошку, пошел мыть руки. Младшенький скоро перерастет папу, но до Евсея еще далеко. На замечание – не сутулиться – он скривил губы, но Алиса прошмыгнула в комнату. Антошка поплелся к брату, надеясь отвлечь его и образумить. Задевая друг друга, расселись. Родителей всегда что-то забавляет: «Размашистая теснота!»

– Ха-ха, не смешно, – Антошка сглотнул слюну, попробо-

вал суп. Чертыхнулся.

На нем застыли спокойные глаза матери, протягивающей солонку. Сын взорвался и не сразу понял, что произошло. Крупные и очень соленые слезы хлынули градом по щекам, разъедая губы. Антон отвел его умыться, не проронив ни слова. Красный Антошка быстро отобедал, а Алиса привычно закурила, гадая – кто первым потянется к неубранной посуде, чтобы кокетливо шлепнуть по рукам: не лишайте меня женских привилегий. Смешливая улыбка играла на лице, а Антон вновь увлекся папками Евсея, словно у брата нет иных проблем, словно сегодня они вернутся к Нинуле, и все пойдет своим чередом.

Евсей и Антон разбирали старые бумаги в кабинете. Антошка поболтал по телефону, одел наушники и прилег на диван, мечтая тяпнуть водочки, когда освободится кухня. Он очнулся от холодной ладони на лбу: извини, малыш. Он отвернулся, но сладкие запахи с кухни окончательно разбудили его. Семейство заканчивало завтрак, а на часах было десять утра. Он удивленно буркнул: «Доброе утро», – спешно умылся. Евсей ушел, сосредоточенно глядя под ноги. Антошка занервничал.

– Почему меня не разбудили в школу?

– Зачем? Ты же не учишься, хочешь – иди, работай или собирай еду на помойке для собаки и кошек. Ты их натаскал к Нинуле, ты их и корми. Сегодня же заберешь их, она телефон оборвала. Антошка опешил и основательно покрутил

пальцем у виска, выпучив глаза на довольных собою предков.

– Чокнутые… А я, меня вы обязаны содержать!

– Ровно на двадцать процентов от бюджета. Будешь получать с первого числа, и заботиться о себе сам.

– Я ничего не сделал, подумаешь, неделю прогулял, можно и справку сделать. Я буду, буду учиться, не в армию же идти! – Кричал Антошка.

– Сынуля, милый, нам не нужны одолжения. Ты жаждешь свободы, вот и ступай, привыкай к ответственности. И Евсея не трогай, ему не до тебя. Мы за тебя твою жизнь не проживем. Нам не удалось тебя научить, жизнь научит. Лекции читать бесполезно.

– Вы не даете возможности подумать! Где ваша родительская совесть? Я разве инкубаторский? Вы корыстные деспоты, вы Нину не знаете! А ей просто надоело ждать его каждый вечер, никуда его не вытащить. Она от скуки завела любовника, а Евсей лопух – всегда будет удобным мужем. Он домашний, доверчивый, вы его сделали таким скучным.

– Постой, Антош, – остановил его отец, – ты хочешь сказать, что Евсей знает об измене жены?

Антошка воспользовался замешательством родителей и начал жадно уплетать блинчики с колбасой, вареньем, кофе. Обескураженные родители забыли угрозы, ел он уже спокойно и с удовольствием, переведя стрелки в сторону от себя.

– Боже мой, – прошептал Антон, если бы ты позволила себе такую глупость, убил бы тебя без предупреждения.

– С ума сойти, – выдохнула маман, ее голос стал мягче. – Антош, возвращайся скорее и не болтай лишнего.

Дверь за сыном захлопнулась. Алиса привычно смотрела из окна. Во дворе сына остановили сверстники, их вид и жесты вызывали отвращение. Тошка шарил по карманам, получив тычки в спину, скрючившись, поплелся дальше. Ком жалости подкатил к горлу. Как оградить чадо от улицы, если дома ему скучно, а жажда приключений неистребима.

У Евсея всегда было много интересов, не было лишней минуты – кино посмотреть. Фанатичную отрешенность скрасила своевременно возникшая Ниночка. Такого поворота следовало ожидать. Алиса стояла, прислонившись к стене, и наблюдала за торопливыми сборами Антона. Просьба остаться дома, готова была сорваться с губ. Он чувствовал это.

– Нет-нет, Лисенок. Я и так довольно задержался. Не могу. Ты только не волнуйся, не забывай таблетки принимать. Ладно, пройдет. Переживем и это. Отвлекись, разбери архив, мы там напылили. Не скучай, договорились.

Антон ушел с невозмутимым выражением лица, что успокоило Алису. Побыть сейчас одной, пожалуй, лучшее в сложившихся обстоятельствах.

1. 5. Четверг

Алиса поправила лампадку, застыла, вглядываясь в иконы. Из века в век с благодарением подходили хранительницы очага, окончив домашние хлопоты, не загадывая, что будет дальше, полагаясь во всем на волю Божью, инстинктивно хранили созидательную энергию семьи. Одухотворенные лица родственников на твердых коричневатых фотографиях кажутся нереальными. В двадцатом веке им не было места… Непостижимая мудрость передать свои незабвенные черты, милые привычки, жесты внучкам-правнукам.

Навещая родителей, она всегда удивлялась их противостоянию и насмешке над ударами ударам судьбы. Отчаяние, депрессия, экзальтация чувств до крайности столь частые у богемы – в ее среде обитания, им были просто непонятны. Рядом с ними рассеивались черные мысли, страдания казались смешной тратой времени, а сигарета – оскорбительно некрасивой. Дни напролет скрипела яблоня, царапая стекло, но звуки уже не раздражали, будущее не казалось рыхлым, а строило смешные рожицы в помутневшем зеркале. Как бы то ни было, жизнь продолжается. Добродушие и юмор благоверного ненавязчиво приручили ее к быту с домашними пирогами, к комфорту и беззаботности. Хрустальные замки фантазий кропотливо оберегались мудрыми доводами. Мифический семейный очаг согревал сквозь годы, возвра-

щая к вере, к здравому смыслу существования, терявшемуся в творческих изысках.

Контраст белого и черного. Магия удачной линии, сметающей изобилие соскальзывающих движений, собранных единым символом. Поздняя осень, первый снег на черной пашне, зябнущие ноги, надоевший ремень безопасности, внезапные ухабы, стряхивающие сонливость и озноб на пустынной дороге в провинциальный городок. Двух – трехэтажный центр обветшал, потеряв хозяев. Несговорчивый частный сектор остался нетронутым. Новостройки строились на пустырях да кладбищах – ближе к заводам-фабрикам. Дореволюционные бревенчатые пятистенки крепко осели на фундаментах, отчаянно сопротивляясь делению на коммуналки, являющие жизнь семьи достоянием пересудов. Заросшая цветущими кустами сирени и вековыми липам улочка очаровала родителей Алисы, до сорока лет скитавшихся по Союзу в поисках пристанища. Родившиеся в год коллективизации в семьях единоличников, они чудом выжили и сполна отведали советского режима. Голод, тиф, война, лагеря – у Гитлера и Сталина да еще пять лет поражения в правах. Зеленая тишина сулила забвение и оседлость, детям пора было учиться. Только дух Скитальца выкрал самое дорогое в жизни родителей – неугомонную Алису, для которой любой дом был мал и тесен.

Дочка уже закончила школу, когда и ей досталось за прошлое семьи, народный суд по доносу бывшего НКВД-шника

за мешок пшена и семьдесят рублей (цены довоенные) сдавал соседей, как врагов народа. Естественно, что дома слушали «Голос Америки» и «Архипелаг Гулаг» знали, но дед был глух, а семья открещивалась от поклепа, мудро продав дом и переехав на другую сторону улицы – без соглядатаев.

Романтическая непоседливость, имевшая невеселые причины, приучила ее не скучать по обжитым местам, легко прощаться с друзьями и не жалеть о брошенных игрушках. Ей претила привязанность родителей к приютившему их невзрачному городку, она не ценила чувство дома, свойственное людям. Страдая от нехватки денег или красок, она налетала внезапно, забивала машину приятеля необходимыми книгами, рулонами холстов, которые всегда было проще найти в областных городках, исчезала, на непредсказуемый срок, отписывалась кратко, по делу, о здоровье, звонила, обещая подкинуть внука на каникулы. Где проходили ее собственные учительские каникулы, сомневаться не приходилось, они с Тимеем смотрелись слетанной парочкой.

Тимей, благоволивший ее порывам, невозмутимо вел жигули. Жажда общения иссякала. Понимания было в избытке, достаточно взгляда, чтобы ни о чем не спрашивать. Тревожить домашними неурядицами не хотелось. Проявления чувств рассыпались мелким бисером и пропали – не найти в пыльных углах, не вымести с рассохшегося паркета. Расхождения в творческих приемах давным-давно приняты, как данность. У каждого своя стихия, своя вселенная. Негласное

соглашение – не сводить осмысленные в сотворчестве отношения на банальный уровень любовников было единственно верным. Одновременно настигающие образы не вызывали ревности или удивления в многолетнем флирте двух художников, избегавших лирических отступлений. Вторая жена – антипод первой, повторила упреки и подозрения, угрозы. Слово в слово. Досадная глупость – состоять в браке, достаточно беречь друг друга, не осложняя ситуации.

Сигарета, скрытно выкуренная в застывшем саду, породила вселенского человека. Каждая веточка, осевшая под тяжестью пушистого снега, была резко очерчена, филигранная работа природы, поражала воображение. Из болтовни на морозце вырастал, почти в человеческий рост этот сюжет. Издали картина смотрелась, словно античная статуя в карандаше, и своей простотой не сразу привлекала зрителя. Творение следовало изучать с лупой, ибо эволюция человечества изображалась крохотными человечиками, занятыми своим трудом, охотой, войнами, любовью. Тимей прожил миллион нарисованных жизней за неполные четыре года. Он стал суровым, достигнув манившей вершины техничности. Необходимость простеньких работ на заказ досаждала. Алиса была отдыхом, усладой души…

Годы кропотливого труда, поиск исторической достоверности костюмов, причесок, орудий труда, погружение вглубь веков подарили шедевр – вселенского человека, никак не отмеченного на родине. Продали за валюту, и грустнее вече-

ра не припомнить. Печаль расставания с детищем осталась в душе, но об отъезде не было и речи.

А лампадка продолжала коптить, прогорали пыль и масло на фитиле, вызывая кашель. Давно не зажигалась, давно не молилась. Под иконами фотография родителей, работы Тимея. Лучистые сияющие глаза, счастливые лица, руки спокойно отдыхают на коленях, папа красавец. Здесь им полтинник.

Родители, перекрестившись, чинно рассаживаясь к столу, нахваливали пирожки, огурчики, грибочки, жареную картошку, радовались колбаске с сыром, которую Але удалось прихватить без очереди. Они не надеялись на ее заботливость, лишь благоверный на каникулы затоваривал для сына полные сумки с мясом, маслом, творогом, колбасами и прочими деликатесами. Только в Москве водились эти продукты, по всей стране прилавки пустовали.

От былого уклада кулацкого отродья осталась привычка к скатерти и свечам. Споры об искусстве – глупость, если не дано разобраться в красоте. Уже нет мастеров, работающих топором, как кистью. И действительно все в доме было сработано отцовскими руками – добротно, красиво, долговечно. Деревянная кровать не скрипела, была просторна и с уютным балдахином от комаров. За вечерним чаепитием папуля делился байкам из лагерной жизни, воспоминаниями о жизни до революции, что они слышали в детстве от своих бабушек. История семьи была туманной, запутанной, но сво-

дилась к тому, что человек не может знать своих возможностей, не представляет, что может преодолеть, что не следует рисовать своим убогим умишком грядущие испытания, ибо все случится иначе, не надо бояться жизни. Она непредсказуема.

По легенде папы прадед Орехта служил двадцать пять лет за веру, царя и Отечество и был Георгиевским кавалером, вернувшись, народил единственного деда Михаила, богатого на детей. По мужской линии все были балагурами, красавцами и долгожителями.

Прадеда забрали за анекдот, красочно описавшего дореволюционных петухов:

– Этакий Цезарь взлетит на плетень, едва не проломит его, громко хлопнет крыльями: «Слава царрррю!» А нынешние еле-еле взберутся, дрысь-дрысь крылышками и хрипят, как придушенные: «Эсь-эсь-эсь-эрь».

Наутро забрали прадеда. Деда раскулачить не получилось, двенадцать ртов было. «Золотого Георгия» искали, весь двор комсомольцы штыками истыкали, землю, царем дарованную, отрезали, да налогами обложили за единоличное хозяйство – курицу да собаку. А вот на вшей налога не было. Дети колхозников могли в школу ходить, там гороховой похлебкой кормили. Но дед был суров и взрослым детям запретил вступать в колхоз, кто успел – сбежали в Сибирь. Когда немец пришел, папаша забрал своих лошадей, коров (частникам поначалу отдавали), а колхозных угоняли. А в сорок

втором и людей угонять стали, всю молодежь… сколько душ погибло на глазах… Сейчас разве есть проблемы? Живете, радуйтесь! А Орехта пережил-таки сухорукого параноика (Сталина), вернулся домой, рассказывал, что за свой язык еще не раз пострадал.

– Вот едем на открытой платформе по узкоколейке лес валить. Читаю в газете, что в Турции три тюрьмы построили. Ну вот, говорю, а у нас три платформы фанерой обить не могут, чтобы ветром не продувало рабочую силу. Десять дней кандея, минус сорок мороз. Думаю, ладно, нажился, так хоть отосплюсь, замерзну во сне, и прямо в рай. Уж так все надоело, что страх всякий потерял. Смех один, еле пинками разбудили на десятые сутки.

Старики остерегались любой власти: чем моложе волк, тем зубы острее, этой демократией семь шкур с работяги драть будут. Маленькие, сухонькие, они всегда находили работу для рук, ума, просто удовольствия на радость близким. Жужжало веретено, мама пряла шерсть по старинке. Вязала теплые гольфы с неповторимым орнаментом, кружевные тончайшие платки, полотняные шторы, скатерти были расшиты мережкой, еще сохранились занавески, вышитые ришелье, девичье увлеченье.

Менялись адреса, но первые детские воспоминания хранили свет свечи на подоконнике, мама читает вслух, отец отдыхает, закинув правую руку за голову на высокую подушку, на другой постели брат старается поглубже зарыться в оде-

яло и быстро засыпает, отпихивая сестренку. Отложив книгу («Фабрика смерти»), мама включает радио для полуночников, гаснет свеча и только папироса папы мерцает в ночи, иллюстрируя рассуждения диктора: «Стоит ли зажигать звезду?»

Девяностые они восприняли без удивления и страха: что хрущевская оттепель, что горбачевская перестройка добра не сулит. С властью лучше не спорить, а держаться подальше от стада баранов, которых поведут на бойню, у безбожной власти правды не жди.

Огонек свечи тонул в растаявшем воске. Тонул долго и неохотно, источая запах церкви и вновь взмывая сквозь длиннохвостый чад. Догоревший трепет светился синим, и наступила неожиданная тишина. Тишина способная перевернуть мир. Тишина, которой наслаждаются, наслаждаются в предвкушении… Тишина, обнажающая дно души. Проникновенная тишина вселенной скатывается с листа оттаявшей росинкой и, кажется, сейчас навеки сомкнутся объятья, и невысказанное нахлынет безумием девятого вала. Навзрыд. Взахлеб. Глаза горят и видят в темноте.

Мамуля включила свет. Вот и вечер. Тимей восхищен домом, семьей. Слова неуместны, все предопределено. Привычно зашуршал карандаш по бумаге, мамуля смущенно улыбалась вниманию, но не кокетничала. Кроткая, маленькая мамулечка не упрекнула дочь за неправедное поведение. Для родителей – рождение детей – чудо, награда за все пере-

житые скитания, смысл их выживания в нечеловеческих испытаниях, просто дар Божий. Остается только любоваться, помогать, оберегать.

– Милые мои, ненаглядные, – всхлипнула Алиса, – как мне не хватает вашей жизнестойкости. Нет, мы не ждали безоблачности, но к чему мы готовили себя? Это странно и слегка неуместно, когда все минуло, когда приветливый уют выстроен собственными руками, зрелость, умудренная опытом, старательно избегает пылких ошибок юности, обманувшей нас… «Колорит поблек», – холодно заметил бы Тимей, заново набирая палитру красок.

А может быть, это не холод, а обычная сосредоточенность. Алиса не любила разброд неоконченных дел, не укладывающихся в строгую последовательность, снижающую временные затраты на дела обязательные к исполнению. Когда-никогда, но надо разобрать архив, набросать рассказик о Тимее, раз уж сорвалось обещание с уст.

1. 6. Архив

Привычка к пунктуальности не раз наказывала Алису, сталкивая с людьми необязательными. Едва она забралась на стремянку, открыла антресоли, раздался звонок в дверь, что-то рухнуло, посыпались пыльные эскизы, рулоны полотна, ватмана, окаменевшие краски, задубевшие кисти. Держась за полку, она проверила устойчивость и дотянулась до потайной папки, распавшейся в руках. Пол усеян пожелтевшими конвертами и бумагами. Хронология потеряна, а Тимей редко ставил даты, восстановить порядок по памяти вряд ли удастся.

Сменить обстановку не значит – сменить образ жизни, от себя не убежать. Ну и денек задался, а если собака ворвется, то все погибнет. Голос сына фальцетом загонял рыжего колли в ванну, а сиамский кот уже поглядывал, как со стеллажа перемахнуть в нишу. Выставив кота, она молча захлопнула дверь к себе: потом-потом. Она не знала, куда положить ворох писем, папка рассохлась. Когда-то она собиралась использовать их для романа, скрыть под литературным флиртом чувства, пока все герои живы. Пожелтевшие листы выпали из некоторых конвертов, она стащила пуфик с дивана, сидя было удобнее складывать, чтобы не порвать ветхие страницы. Взгляд невольно стремился прочесть обрывки, а отложить на потом казалось безумием.

«Кто-то так вскричал, запрокинув голову, это был я. Замечу, однако, что родственных душ немного, с кем можно общаться без слов. Как правило, это единомышленники, необязательно, что они из прошлых жизней, может быть, из будущего. Я написал в самолете вот такую дрянь, думая о тебе.

Когда тебя предают.
Ощущение – умираешь,
И воздух глотаешь-глотаешь,
Как во сне от змеи убегаешь…
А всего лишь – тебя предают.

Я полмира перелетел, а ты не пришла, хотя устроители выставки клялись, что пригласили тебя. Конечно, я мог остаться, билеты дороги, но дочка была с нею, не застав тебя, я сразу вернулся к ним, не продав ничего».

«Сегодня солнечный день, ясное небо, уже 17 апреля 1999 года – тринадцать лет нашего знакомства – сие немало в нашей быстротекущей. Где ты? В каких мирах витаешь? Хотя, я сам уже так далек ото всех. Но я жду, помни. Целую, Тимей».

Коммуналка перестала быть таковой, Алиса оккупировала комнату соседа под мастерскую. Но сосед жил в доме престарелых, и присоединить вторую комнату на законных основаниях в ближайшее время не предвиделось, по завещанию она отходила к его сыну. Каждый приемный день в де-

партаменте жилья ее выпроваживали, как разъяренную кошку после битвы с овчарками, грудной Антошка помогал ей неистовыми воплями. В день, когда дали бумагу о предоставлении субсидии на покупку квартиры, у нее подкосились ноги, пришлось вызвать скорую, мужа, гипертонический криз. После двух недель в больнице, она спокойно выбрала вариант вторички в своем районе, оставляя право на свое приватизированное поэтическое убежище. Противоречий не было, все пошло гладко и быстро.

«Очень жду вестей, я ничуть не изменился, по крайней мере, для тебя. Ваш Тимей». Затяжная юность кончилась. Подступила осень. Холодная неотапливаемая неделя в Москве, скудные заработки корректора, случайные. Странный конверт, с двух сторон оклеенный марками, без обратного адреса, без единого конкретного слова о том, что происходит. Шутка? Забывчивость? Стихи…

Взгляд – устремленная печаль
Взметнется над разбитой чашей,
Уткнувшись в книгу или даль
Над жизнью прошлой, настоящей…
Мне только тиканье часов —
Светлее ночи назиданья…
В душе ржавеющий засов
И ожиданье ожиданья.
Бредут обрывки полуснов,

Полуувядшее желанье,
Полузамерзших наших слов…
В туманной пляске мирозданье.

Прочитав крик души, она всплакнула и окончательно расстроилась. Складывала стопы на столе: письма, конверты, наброски, акварели. Нужна коробка и уединение. Были молодыми, влюбчивыми, но четко знали, нельзя предавать себя. А сегодня взрослые, мудрые, затравленные условностями, себя забыли…

1. 7. День

Антошка еще раз стукнул в дверь: «Мам, к тебе пришли». Открыл дверь и поразился беспорядку.

– Мам, зверюги со мной в гостиной, уже обнюхали свои места. А Евсей пусть в моей комнате живет, ладно? Я сварю сардельки, хватит на всех. Мам, там тебя ждут.

Алиса растеряно посмотрела на сына, вышла в прихожую.

– Постойте-постойте, мы договаривались на пятницу, – она хотела пресечь неуместное вторжение.

Молодой человек с окладистой бородой, вероятно, своей первой, уже разоблачился. Глазки-угольки и неуклюжесть медвежонка вызывали симпатию. Пунцовые щеки совсем развеселили Алису, тем более он был один – без наглых журфаковцев.

– Валентин, – кратко представился он, опережая возражения, – Строгановка, подрабатывал санитаром, мне пяти минут хватит, уж простите, телефона вашего не знаю. У вас есть неиспользованные эскизы к вселенскому человеку, Тимею они нужны.

– Он вернулся в Союз? Почему сам не приехал?

Она пригласила его в свою комнату, запасшись плотной коробкой и веником. Быстро сложила письменные улики на дно коробки. Вдвоем они быстро разобрали рулоны, убрали лишние в запасник, разобрали эскизы, этюды, акварели,

вымели в мусор уже непригодные расходные материалы. Он скрупулезно изучал фигурки воинов через собственную лупу: «Сократ и Платон здесь выглядят рыночными бездельниками», – заметил он, усмехаясь.

– А что, Алиса Ивановна, разве только это вам оставил Тимей? Нет-нет, каталог есть у меня и не один, и все французские издания.

Валентин укладывал в новый планшет эскизы Тимея, аккуратно расправляя разделительный пергамент между ними для хранения. Достойное место, но Алиса возмущенно заметила, что ничего из дома выносить не разрешит. Раз она обещала набросать заметку о том, каким был Тимей в жизни, так об этом договаривались на завтра и не спорьте, пожалуйста.

– Мне не нужна заметка, разве я похож на человека, заглядывающего в чужие трусы. Я не журналист, а художник, ученик Тимея, он просил меня.

– Хватит врать, после трагедии он не возвращался в Россию.

– Он здесь. В Подмосковье. Я еду к нему, можем поехать вместе, если вас не шокирует обстановка. Электричка в десять утра с Павелецкого вокзала.

– Прекрасно, поедем на машине в одиннадцать ровно, встреча здесь, вот номер телефона. Все, что он «просит» я захвачу с собой. Нищета меня не шокирует, не переживайте, она разной бывает.

– Я вижу, рулоны у вас залежались и запасы акварельной

бумаги на сто лет. Давайте и это упакуем – ему в подарок, если не жалко, конечно.

– Для пользы дела ничего не жалко, складывайте.

– Извините, я не сказал, что нашел его, он был болен. Мы хотим сделать копию «Человека», хотим, но за столько лет многое забылось, иначе он бы не осмелился потревожить вас. Хотя, он так одинок и будет рад первому встречному. Так бывает. Мне сложно преодолевать его замкнутость, я подручный, но моя цель – не только закончить аспирантуру, но и послужить возрождению России, нельзя шедевры оставлять в забвении.

– Что с ним случилось?

– Банальная депрессия, чувство вины. Не смею больше задерживать. Итак, получается, что суббота всех устраивает, я не опаздываю.

Алиса проводила гостя, не выдав смущения. Ужин готовила уже на скорую руку. Очищенная кожура картошки свалилась с ножа на слюду от сигарет. Сердце екнуло от шороха, словно мышь выскочила из мусорки и напугала ее. Антошка и Дуся мешали, нож выскальзывал из рук в ведро. Давно забытое раздражение убеждало ее, что день сегодня дурацкий и конца ему не видно. Уже не до уборки, пока все закипает, надо прилечь с валидолом. Но на постели устроились кот с кошкой, а от шерсти можно задохнуться. Какое же занудство приходит с возрастом! Милейшая парочка переглядывается, выдержав паузу, муркает, прежде чем потянуться

навстречу и лизнуть друг друга. Наблюдать за ними можно долго и самой умурлыкаться – задремать.

За ужином все чувствовали себя разбитыми, день не заладился с утра. Евсей тяготился предупредительно ласковым обращением к себе и сказал напрямую, что разводиться глупо.

– Нельзя от доброй жены требовать понимания высшей математики. Просто они устали от соседской парочки с младенцем, чей последний конфликт недопустимо нарушил их личное пространство. Юный муж застукал жену, она нагишом забежала к нам в три часа ночи. А этот щенок просится пустить его домой с балкона.

Евсей нырнул в холодильник, налил по стопочке водки. Антон выпил автоматически.

– Сейчас малыш поведает о причине твоих неурядиц с Ниной.

Слово за слово… Старший брат молотит младшего методично и крепко. Притихшие родители даже не пытаются вмешаться. Евсей вышел из комнаты, вымыл руки, и стал чинно собираться домой.

– И запомни, щенок, что моя жена дура, но дура хитрая, она не попадется, как ты – в полной красе. И в отличие от тебя, прекрасно знает, что ей нужно, чего хочет. И если она сейчас одна, а она одна, так я завтра тебе добавлю на орехи. Ладно, мам, Антон, пока. Заварите ему валерьянки. И врет же так нагло, якобы Нина сказала Тане, что у нее

любовник, а никто никогда не догадается. В три часа ночи с собакой на балконе он гулял. Босиком! Щенок!

Дверь хлопнула так, что все вздрогнули. Антон привел всех в чувство, уложил в постель, приняв выгул живности на себя. Алиса закрыла глаза и в тихой музыке ей послышался стук подающих тюбиков, она встрепенулась, ах, нет. Начинается дождь, просто дождь. Антон не задержится на прогулке. Она тронула мокрое полотенце на лице, мерцающая темнота привычно убаюкивала, словно волна слизывает лодку, легкое покачивание уносит в сказочный залив, вдоль золотой косы идут съемки фильма.

Зрители и актеры купаются в бирюзовой воде. Ощущение неземного счастья, невозможного наяву захватило всех. Алиса уже во сне отметила, что необычный мир делает каждое движение легким, каждое желание исполняется. Она не ныряла, а парила, что в воде, что воздухе, созерцая, словно со стороны. Она чувствовала себя сильной, утопающей в солнечных брызгах. Осознание, что человек представить себе не может – сколь безграничным бывает счастье. Это океан любви, догадалась она, радуясь незабвенным лицам друзей, она окликали ее, приветствовали. Неслыханное везение увидеть всех сразу – вместе. Не в дни печали или просто будни, а здесь, словно в раю. Тимей улыбается, впервые беззаботно, даже загадочно. «Благодарю, вас, мадам». Он подносит палец к губам, не позволяя говорить вслух.

Кончились тоскливые ночи. Несбывшееся – сбудется. Мы

одни, никто не помнит нас, не бойся своей тени.

– Мадам, я любил вас, а вы? Кого любили вы? А моя бедная девочка любила меня до самой смерти. Это мы убили ее. На грани отчаяния я бросался в бездну, но кто-то неизменно подхватывал меня и возвращал к жизни. Я понял сейчас, это вы. Зачем я нужен вам? Оставьте меня, я плохой дамский угодник.

Тимей погрузился в воду, проскользил рядом. Алиса, ослепленная солнцем, потеряла его из виду. Внезапная высокая волна накрыла с головой, она не больно ударилась коленкой о ствол, ухватилась за пальму. Переполох кончился, выплеснутые на берег купальщики не пострадали и беспечно возвращались к воде. А Тимей уходил в горы, перекинув, как махровый халат, через плечо свою бездыханную девочку, ей не повезло, но никто не заметил этого.

1. 8. Ночь

Антон одевался под радостный скулеж Дусика, кот Ксюк уже вспрыгнул на плечи и свободно прогуливался, а Тоська кокетничала, выхаживая с поднятым хвостом. В подъезде молодняк покуривал. Мокрые хлопья дождя зверям не понравились, выгул получился несерьезный. Антон заметил, что свет в подъезде погас, он подхватил собаку, чтобы не поранила лапы разбитой лампочкой, но кот уже сорвался в темноту открытой двери с диким воем, кошка тоже обожала потасовки. Дусик клацнул зубами, ощетинился и рычал на вылетевшие на улицу тени. Трое поочередно сражались с кошками, но те молниеносно взлетали к лицу.

– Падайте, падайте в снег, – кричал Антон, удерживая пса. Рысиная хищность тянула их на высоту. На кухне вспыхнул свет, выглянул Антошка, быстро спустился и забрал кошек, рычали они как-то гортанно. Оказывается, он специально натаскивал сиамцев, как сторожевых. Он был в неглиже, но кошки не оцарапали его, горящими глазами охраняя его спину. Дружки стали приподниматься с земли и угрожать вслед, Дусенок вывернулся из рук, кошки бросились в погоню, пока Антошка не отозвал своеобразным цоканьем и свистом.

Дома пояснил, что ждали его, что он задолжал за кораблики, назвал сумму. Антон присвистнул: «За твои кораблики

ки можно свой крейсер иметь!»

Отец ушел на кухню, выпил. Пришла пора поговорить. Сынок бормотал, нахваливал зверей за хорошую службу, балуя кусочками сыра. Отец налил еще, выпил и задал самый глупейший вопрос, который приходит на ум взрослым: «Зачем? Почему? Разве плохо, если в доме – мир, покой, стабильность? Разве отсутствие материальных помех не способствует развитию личности? Разве мы тебя не заинтересовывали всем на свете – выбирай!» Почему собственные дети принимают родителей за тупых деспотов, которые не поймут! Может быть, Господь так наказывает за грехи молодости?

– Почему, кровиночка моя, нам не понять тебя?! Почему тебе невыносимо скучно? В чем смысл суеты вашей? Это радует? Это греет? Услаждает? Зачем соваться к тупорылым, пробовать кораблики, чтобы быть, как все. А они просто недоумки под чьей-то пятой. Что ты можешь скрыть от меня, думаешь, есть что-то, что твой папка еще не познал? Я похож на пацана? Я ничего не требую от тебя, ты сказал правду: тебе нужны деньги, и мне, и маме, но мы выродкам отдадим наши деньги. Это, по-твоему, разумно? Мне легко потрясать своими возможностями в пятьдесят лет, тебе все еще это предстоит постичь. Жизнь научит, если мы с мамой оплошали. Евсей, да и мы с ним впитали доброе, вечное: мультики были веселыми и мудрыми, история учила делать выводы, математика и философия применялась в жиз-

ни. Естественно, мы виноваты, что решили в трудные времена покупать дешевые боевики, злых монстров, зарабатывать на ужастиках, не подумав, что нарушаем экологию души детей, внуков. Вы с видеосалонах – на порнухе – учились морали и умению обманывать, заценили покупные удовольствия? Зачем думать, переживать, чувствовать, ведь обещано девять жизней, все доступно, наглядно и сходит с рук. Кушайте, детки дорогие! Технические новшества истребляют человека, весьма довольного собой. Ты, сынок, не отличаешь игры от жизни, в виртуальности нет смерти, боли, утрат, нет хрупкости и самой жизни тоже нет. Есть очки или «гейм овер!» Главное, код не забыть. Как испытать подростку чувство, если эротические игры подавляют половой инстинкт, если естественного контакта он никогда не почувствует через резинку, предохраняясь от СПИДа. А предохраняться надо, доверять нельзя, вас этому с первого класса учат. Отцовская власть может принудить тебя исполнять обязанности, но вот заставить хотеть невозможно, поэтому учись получать радость от насущных дел. Разве прозрение Достоевского остановило раскол России? «Новейшее модное безверие» питается незрелыми душами уже второе столетие. Воистину, Божья справедливость не имеет ничего общего с человеческими представлениями о ней. На каком еще языке – о чем – говорить с тобой, чтобы пробудить малейшее стремление к пониманию элементарных прелестей жизни.

Он перевел дух, закурил, предложил сыну, тот отказал-

ся…

– Смотри, Антош, собака хвостом виляет.

– Я знаю, – удивленно поднял голову сын. – Она всегда так делает. Попрошайничает.

– По-твоему это нормально?

– Вполне. Нормально, она сладкого хочет, – опешил Антон, глядя исподлобья.

– Видишь, собака, а мудрее человека!

– Чем это?

– А как хочет, так и крутит хвостом, или не хочет – не виляет.

– Есть хвост, вот и пользуется им.

– Верно. Очень верно. А вот хвост собакой не крутит. Никогда.

– Никогда.

– Вот и подумай, почему человек не понимает, по чьей прихоти он крутится за какие-то кораблики, да еще и за деньги? Косые придурки обслюнявят чинарик: это кайф, Тоник, ты молодец, ты классный парень! Разве я не прав?

– Ты-то? Ты у нас хозяин, ты всегда прав. Ты и за деньги не похвалишь. Только маман иногда выдает: хороший мальчик, будь умным, как Евсей. Он у вас ягодка-любимчик, а я вот тупой уродился, так дорого вам достался, что маман чуть не умерла, Евсей чуть институт не бросил, если бы не Ниночка. Одни упреки. Сколько можно? А я просил вас – рожать меня? Я официально благодарю за подаренную жизнь,

кров, корм. Я отработаю. А какие у вас проблемы?! Не забыть Лисенку таблетку, конфетку, пипетку. Весь мир вокруг нее крутится, не разбудите, Лисенку не спалось. Вы всех достали своим мурлыканьем. Скажи честно, а ты часто гуляешь с внуками, в первой семье уже внуки, ты их видел? Что молчишь? Работа? Работа, конечно, хорошая отмазка, затем формула один, футбол, еще и дачу купили. Молодцы, я вас уважаю, все по расписанию, а я помеха.

– Спасибо, это смело. Я ожидал, ты будешь сидеть и дуться. Не юлишь, не оправдываешься. Все так, кроме того, что ты дорог нам, а маме запрещено сюсюкать с тобой, ты парень, а не подружка ей. Да, трудно быть внимательным. Запомни этот момент и постарайся не забывать о знаках внимания к своим детям. Мужик – он целеустремленный – не может разбрасываться. Это мама может говорить по телефону и с тобой, и с кошками, курить, жарить-парить одновременно. У женщин мозг заточен на многочадие, им дано держать в поле зрения несколько объектов. Мы взрослые и решим проблему по-взрослому. Я кредитую твои долги, ты отработаешь за лето на даче, не будем нанимать рабсилу, чтобы копать-косить. Забьешь на завтра стрелку, будем разбираться – что по чем. С Евсеем я поговорю, кулаки – не решение, а тебе наука: никогда ничего не говори о женщине. А замужняя – это табу, сразу прикуси язык! Ни хорошего, ни плохого. Хочешь очаровать девчонку, говори только о ней, сразу станешь крутым парнем – нарасхват!

– Я Таньку люблю.

– Поверь, они помирятся, там же ребенок грудной! Он разве тебе нужен? Тебя доступность привлекает, Таньку скука одолела. Женщина должна быть верной и в постели, и в мыслях. Ибо, уходя на мимолетное свидание, она может не вернуться, а дома дети, котики голодные. Жалко. Потом вернется, а дом опустел, плакать будет. Художники знают, что женский глаз различает гораздо больше оттенков цвета, чем мужской. Так и в жизни, она может разглядеть красочное будущее, а партнер не поменяет своих привычек, кидаясь в омут приключения, он не забывает себя, приличий. Рассудительность его не оправдывает, но это не бросается в глаза, не ранит близких, и редко заканчивается катастрофой. Вот этим женщины опасны. Любовь не заметить не получится, держи голову выше.

– А у нас с Танькой катастрофа?

– Ерунда, перемелется, любопытство. Тебя же муж не видел, значит, ничего и не случилось. Прочувствовал, как наказывается любопытство, ноги не отморозил на балконе? Ты молодец, давай еще валерьянки и спать-спать.

Антошка уснул быстро. Антон был доволен тем, что разговор состоялся. Деньги, видимо, придется отдавать, иначе жди напастей. Его поразило, что мальчишки нуждаются в ласке, признании, особенно тогда, когда они, кажется, уже выросли из телячьих нежностей и начинают басить, грубить в соответствии с переходным возрастом. За собой он такого

не припоминал. Гости привычно отмечают положительные качества чужих отпрысков, никогда не задумываясь о том, что они говорят собственным чадам.

Действительно, как справляется бывшая с двумя погодками, притащившими в дом своих жен, еще и внуков народивших. Там, конечно, теща – как тяжелая артиллерия, а здесь хрупкая, избалованная Лисонька. Любит ли он ее? Все так думают, и он привык думать, что любит безумно. Некоторая общепринятая данность.

От ночника Алиса жмурилась, как на солнце, рассыпав рыжие кудри, избави Боже, наступить на лисий хвост, потревожить сладкий сон, себе дороже выйдет. Руки сначала невольно потянулись погладить ее, обнять, завладеть ею спящей, а затем придушить до содрогания – раз и навсегда. Он осмотрелся, осторожно поправил одеяло, убрал свалившееся с головы полотенце, ушел спать в кабинет, он тоже очень устал. Кошки очень внимательно наблюдали за ним, но не выдали своего присутствия. Мир затих, они теперь могут проверить, все ли ладно в этом доме.

1. 9. Пятница

Алиса ловко выбралась из постели, крадучись прошла мимо комнаты сына. Прохладный душ бодрит и освежает мысли, смешавшие чай с калиной, желание яичницы с ветчиной и выбором наряда из череды немнущихся платьев, в которых можно поваляться с книгой, не драматизируя.

Антошка выгуливал собаку и с отцом встретился на улице. Антон успокаивающе махнул ей рукой, обнял сына за плечи, скрылись за деревьями. Необъяснимо-приподнятое настроение вызывало желание рухнуть, отмахнуться от забот семейных, да и от смуты в душе она уже отвыкла. Хорошее престает быть заметным. Жизнь текла широкой рекой, вырвавшейся из горного ущелья бескомпромиссных лет, рекой безоглядной, не оставившей повода сожалеть о честолюбивых замыслах. Она не стала прозаичней от умения быстро и хорошо справляться на кухне, ибо быт не имеет права отнимать много времени, в ущерб личному. Принцип: не хочешь – не делай, лежи, читай, рисуй, думай – имеет здравый смысл, иначе обед будет горчить раздражением, на чистые полы упадет и разобьется банка с вареньем и так далее.

Хлопнула дверь, Алиса взволнованно поднялась. Евсей зычно позвал ее из прихожей, но сердце уже екнуло и зачастило, холодок сковал левую руку.

– Успокойся, мам, я продукты завез.

Он с удовольствием согласился повторить завтрак, довольно похлопав себя по прессу.

– Евсей, прошу тебя, не смей бить Антошку, а помоги ему. Он сегодня сбежал даже без завтрака.

– Это ерунда, отобьемся. У Сорокиных страсти-мордасти. Лечиться им надо, а они в драку и кубарем к нам. Нинка приручила молодых, любитель понянчиться. Пришлось проучить. Ничего серьезного, французский насморк, но ты бельишко прокипяти, а я проконтролирую лечение. Без рук, честное слово. Ну-ну, спокойно, глубокий вздох-выдох, еще… Выводы сделаны, мне не привыкать ползунки менять, мыть засранца, пока вы по театрам и выставкам бродили. Ну, что ты, мам, не плачь. Переходный возраст, нормальный парень, только ранний, хоть и поздний для вас.

– А если он еще с кем-то?

– Исключается, ля-мур, говорит, с Танькой. Мне пора, но хочешь, останусь, помогу по хозяйству? Или Нинку пришлю? Вот приляг, и будь послушной мамой, уважай занятых мужчин, мы этого стоим.

– Не надо, спасибо, родной, полежу, управлюсь. Были какие-то планы, забыла какие. Да Бог с ними, вам пора своих деток заводить. У меня невероятные новости: Тимей вернулся! Встреча на субботу назначена, а тут его дети-внуки собирались приехать. Не моя стихия. Как Антону преподнести или пусть он дома сидит, своих встречает, а ты меня отве-

зешь, это за городом.

– Шуточки у тебя, мамуля, соскучилась по желтой прессе? Словесная грязь не отстирывается. Помню его: огромный, везучий, всегда знал себе цену. Уважаю таких. Так зачем ты ему нужна? Я читал, в интернете охота на него.

– Как-то вышли на меня студенты, просят заметку о годах славы художника в СССР.

– Ладно, настрочи заметку, но с Антоном не своевольничай, мы же с братьями на вечер договаривались, а вы утром слетаете, но только вдвоем, без подозрений. Ушел.

– Лучше я прилягу, почитаю, отвлекусь. Ступай с Богом.

В холодной ярости на безмозглость младшенького дела спорились. Зверюшки, попавшие под горячую руку, были вымыты без царапанья, обиженно вылизывались в гостиной. К ним он тоже прикасался! Из-за жалости однажды все дружно переболели лишаем. Вот уж спасибо, сыночек миленький. Сколько сил, лет, средств ушло, чтобы иметь ощущение свободы в собственной квартире, без соглядатаев. Сколько интересных, приятных пар опостылели друг другу, добывая заветные квадратные метры. Озирайся теперь с брезгливым ужасом на сиденье унитаза, как в коммуналке. Они отвоевали место под солнцем, измотав душу. Годы ушли, и только свет былого тлеет, дымится, не внушая заманчивых иллюзий.

Сквозняки выдували хлорные запахи, ноги гудели, босые ступни с удовольствием приникали к ледяному полу. Все

стерильно! Она остывала за чашкой крепкого чая, вяжущего рот, сигаретой преодолевая голод, презрительно сцарапывая загубленный маникюр. Когда-то в иной жизни, она так же сидела, измучавшись от неудач и бессонницы, мыла руки подсолнечным маслом, счищая въевшиеся краски. Ничего не получалось, но злости не было.

Даже странно, что она на одном дыхании прожила пятнадцать лет без сумасшедших поэтов, непризнанных бардов, без исканий-самокопаний, без Тимея, забыла про этюдник и кисти. Кто-то же убрал все это на антресоли? Внезапный отъезд Тимея перевел стрелку на иные заботы. Нить оборвалась, никто не вздрогнул, что навсегда. Начался необратимый процесс, главное, не знать о том, что процесс необратимый. Думать об этом совершенно невыносимо, писались страшилки-мучилки: а как будет, если вернется? А вот не скучали, все новое – уже интересное. Удовлетворение со смешанным чувством досады и успеха первой выставки, коряво расписанной в «Комсомольской правде», избрание в королевы, с шутовским преклонением в среде сподвижников-поэтов, кутивших неделю, несравнимы со спокойствием женщины. Что ныне сетовать, мадам? Надо было учиться, а не выскакивать замуж в восемнадцать лет! Меняем испорченное платье, у нас завалы этого хлама, и мы никуда уже не ходим. Просто не хотим-с. Ленивы стали, сударыня.

А надо ли бередить душу завтрашним визитом? Беспокоить несбывшееся, оживлять мистическую связь. Магия

в творчестве, в портретах, а я просто легкомысленная бабочка, конечно, тревожусь по привычке. Но, если страсть тогда не лишила нас рассудка, то зачем лукавить сейчас? Дабы насладиться неспешной беседой на шкуре неубитого медведя.

Алиса выпустила струйку дыма, ползущего по дверце туалета, прислушиваясь к напрасным потугам и потоку сознания, смешивающего философские понятия, мелочи по хозяйству, сумбур чувств, глядя на тающий туман, достойный абстрактной картинки. Пепел упал на сверкающую плитку, когда она распаковывала новый рулон бумаги. Разве случится такое, если полы неделю не мыты, разве молоко убежит на грязную плиту? Никогда!

Зачем-то под дверью оставлена щель, а в ванной можно задохнуться от пара. Архитекторы фиговы, заключила она. Поворот ключа, похоже на Антошку. Она сложила в линейку хрустящую обертку, подождала, когда он пойдет мимо. Резкое шуршание за спиной испугало ребенка, он зашелся в истерическом кашле, продолжая топать ногой на бумажку. Малыш не понял шутки, рыдал долго, сотрясаясь всем телом, выкрикивая визгливо несвязные объяснения, суть которых свелась к тому, что он не переживет. Алиса, прижимала его мокрую голову, похлопывала по спине, словно баюкала, вытирала лицо, нос, умыла, причесала его, как в детстве.

– Малыш, ты неповторимый, единственный, очень непосредственный. Все образуется, пей чай, приходи в себя.

Давно они так не смотрели в глаза без утайки – дружелюб-

но, ласково.

– Все так естественно, котик ты мой мартовский, против природы не спорят. Это гормоны взыграли, а любовь она иная. Иная ипостась. Все еще будет, жизнь только начинается. Стремление к продолжению рода и есть пресловутый вечный двигатель человечества. У тебя душа болит от обиды и стыда, еще бывает уязвленное самолюбие. Новое поколение обкрадывает себя, насмотревшись гадостей в телике. Кайф не в этом. Воздержание рисует пленительные образы. Мы платили поцелуем за сонет, песню, мы вдохновляли ребят писать еще трогательней.

Ксюк с Тоськой никак не могли уместиться на коленях сына, Дусенок демонстративно пихал носом пустую миску, путался под ногами, напоминая, что совсем забыли малых сих. Пора кормить семейство. Грохот пластикового лотка означал, что коту надо почистить горшок. Антошка спросил, может ли он это делать, не заразен ли он? Алиса расхохоталась. Возможно, в детских представлениях – рождение двойни – плод разных контактов. Дурачки!

– Учись не скучать, сынок, привыкай думать. А с утра всегда спрашивай себя: а не дурак ли я? Весело и всем помогает. Ответы позабавят тебя больше, чем неумелые гитаны. Иди, только полотенца не путай, звери заждались тебя.

Пунцовый Антошка буркнул: «Угу». И тут же вернулся с вопросом: «А что такое гитана?»

– Пора обедать, прочитаешь сам, ко мне скоро студенты

придут.

– Мам, а ты будешь топить гуманитарников? Они сейчас рыщут в поисках стариков, а динозавры забавляются, накручивая мудреные фразы, что даже преподаватели затрудняются пояснить – что это значит. Хотя у них простая задача: составить простое предложение – я хочу кушать. КуШать! А не – я хочу кусать. Хотя смысл один: жрать хочу!

– Я не профессор, права не имею – топить. И еще, я никогда не буду старухой, а мы покруче вас будем. А ты уже усвоил новую программу по русскому языку, вундеркинд? Точно, поколение некст-смайликов трансформировалось в людей-потребителей. Конец света наступил, если этому учат в ВУЗах.

1. 10. Второй визит

Таинственная леди с картин Тимея с детским именем Алиса явно осторожничала. В пятьдесят лет обычной тетке никак не сохраниться на возраст – чуть за тридцать. Она подозрительно красива. Может быть, Тимей тратит на нее миллионы, ведь он один из самых дорогих академиков живописи. Вечерние платья в домашней обстановке не укладываются в голове Семена, но они органично вписываются в старомодный интерьер. Изысканно, нешаблонно, лично – на заказ. От нее не пахло нафталином и нарочитым блеском, как от некоторых ветеранов. Он отметил ловкость, с какой она выуживала чашки под кофе, стараясь не смазать лак на ногтях. В естественных движениях не ощущалось бережливости к наряду, и она не путалась в замысловатых фалдах неизвестной ткани, он такой никогда не видел в продаже, а уж Катька замордовала его шопингом.

Притягательная внешность, умение преподнести себя, искусно запечатленное на полотнах, сохранили интерес к самому автору. Он сделал ставку на забытую ныне естественную женскую красоту, но вряд ли имел отношения, только дурак может испортить дело дешевым любопытством. Катерина заблуждается, слишком много значения придает она этой стороне сюжета. Или спать или работать, по-другому у мужчин не получается, уж он-то знает на собственном опыте. Успел

обжечься и обмануться, и погореть на сексуальных «домогательствах». А Тимей полностью выкладывался в картинах, за творческую отрешенность упрекали оба семейства.

Складный рассказ Алисы самостоятельно делился на три темы – три заметки. Они перестали гонять запись на диктофоне, решили отдохнуть от дележки материала, и просто послушать ровный спокойный голос.

– Тимей с отличием закончил школу-десятилетку. Рисовать начал очень рано, родители часто путешествовали по экзотическим странам, фантастические цвета всегда привлекают внимание, а детское особенно. Бирюзовые, лиловые туманы это реальные места, они существуют на планете. Обычное занятие – детям сначала дают краски и кисти, а потом учат азбуке. Праздник цветущей природы это его восприятие жизни. В школу он пошел почти с восьми лет. Представьте московский дребезжащий трамвай с морозными узорами на стеклах, проезд три копейки, полчаса дороги в художественную студию и обратно, и так десять лет. Многие «холодные» рисунки тоже по памяти. Поэтому неудивительно, что он сам легко поступил в Строгановку и рано стал преподавать. Трудолюбие, талант, сосредоточенность делают профессионала. Он не нуждался в пресловутом вдохновении, ему всегда не хватало времени для завершающего штриха. Его солдатики во «Вселенском человеке» потребовали проглотить ворох литературы, чтобы кивера и ментики, и узор на пуговках досконально совпадал с историче-

ским временем. Это настолько трудоемкая работа по сбору информации по музеям, библиотекам. Тогда не знали интернета. К сожалению, оригинал не в России. Он называл себя «профи» и действительно это мастер, признанный еще в советские времена. Всегда был строг, требователен, поэтому, наверно, конфликтов с властью не имел. Нельзя сказать, что он чурался студенческих посиделок и походов с гитарой. Напротив, у него уже на третьем курсе была машина и подмосковные этюды – обычное дело. Сложно поверить, зная его, высокого, размашистого, что вот эти филигранные пейзажики пером – формат моей ладони студенческие пробы.

В дороге, на вокзале, на природе, в городе – он всегда делал наброски, и вряд ли замечал людей, злость, грязь. Линии, пропорции, свет, перспектива, натура – вот, чем он дышал. Полотна более реальны для него, чем окружающий мир. Он умел показать прекрасное. Он не чувствовал комариных укусов и удивлялся жалобам в группе, тем более, что мошки налипали на почти готовый этюд, где он не терпел неряшливости – лишнего мазка. Собранность помогла ему выжить два года в армии. Жуткое испытание, нагрузки на пальцы, год без карандаша и кисти. На втором году ему поручили красить заборы, расписывать стены в школах и детсадах гарнизона по бездарным трафаретам, утвержденных начальником. Рисовать плохо было ниже его достоинства, а время и бочки краски выбирал старшина на свой вкус. Бесполезность духовного протеста едва не добила его и, вероятно, именно то-

гда он замкнулся в себе, уже никого не посвящая в творческий процесс.

Первый брак – студенческий. Так бывает, пока есть трудности – учеба, ребенок, работа – парочка дружно воюет с окружающим миром. Однажды жена уехала в Питер отдохнуть – показать внука родителям, да так и не вернулась. Она художник, он художник, конфликта не было, некогда лишний раз отвлекаться от работы. Бытует мнение о богеме, подразумевающее дикие страсти, пьянство, наркотики, якобы возбуждающее вдохновение. О творческих людях всегда ходят слухи о некрасивых поступках, внебрачных детях и даже извращениях. Не было никакого особого везения, мохнатой лапы для продвижения. Была уйма проектов, беспробудный труд, малая часть ушла на продажу и принесла славу. Постороннему человеку странно, что недописанная картина художника лишает сна, именно нехватка времени вынуждала его бросать преподавание, уезжать в незнакомые места.

Вам, молодым, трудно представить, что профессор академической живописи около шести лет подписывал котлы: «первое блюдо», «второе блюдо», «компот» и так далее на пищеблоке одного пансионата, за место для мастерской. Начинал он отрабатывать барщину с «пищевых отходов», а вы, говорите – богема! Каждый хозяйственник имел пустые площади, актовые залы, штатные единицы руководителей художественной самодеятельности, художников-оформителей, обожал иметь портреты своей родни и всей партий-

ной ячейки. Вся «богема» платила за приют излишками дарований. Не скрою, у меня было место в той же мастерской, надо было как-то создавать видимость, что я не напрасно получаю зарплату по совместительству. Стабильность застойных лет не могла истребить в человеке желание жить лучше, имелись способы непыльных подработок – различные кружки, студии, дома творчества – оплата почасовая, часы приписывались.

Безымянность портретов не загадка. О подпольных арендаторах и меценатах знали и помалкивали, а сейчас это подогревает интерес к хозяину галереи. Тогда казалось самым страшным, что настучат «туда – куда надо». Даже смешно вспоминать, что этим страхом была пропитана нарочитая учтивость к дворникам, уборщицам, зевакам у подъезда. Детские страхи, пыль, мусор. Всегда можно было договориться в другом месте, безработицы не было, всеобщая скука была тоже наносная. Народ ленив и спокоен, даже как-то странно, что замутился раздел Союза, революции, взрывы, война. Жуть! Мы полжизни прожили в спокойном государстве, соблюдая правила социалистического общежития и моральный кодекс, великое счастье – спокойствие.

Начиналась инфляция, иметь место для работы вопрос выживания. Чья-то низость всегда мешает таланту быть свободным от проблем. Правители всякого рода резко менялись, новый директор не нуждался в наглядной агитации, знал с кем имеет дело, и загнул высокую сумму в долларах.

Чем моложе волк, тем зубы острее, как говорится. За подаренную миниатюру он дал время собрать и раскидать по обжитым мастерским друзей хозяйство. Тогда все мечтали о затишье, еде, крыше, разного рода крыше. Он готов был бросить институт, тогда платили преподавателю десять тысяч рублей – «керенками» (то есть до деноминации). Стажировка в Германи – чудесная передышка.

Вскоре знакомый скульптор уезжал надолго и всерьез, и его родственники сдали мастерскую – просторный подвал без окон, на особых условиях его давнему другу с кафедры живописи, который и приютил Тимея. Новые русские спешили приобщать к искусству своих чад. Так и получилось: не брать взятки за поступление, а учить детей пропорциям, глазомеру, привить вкус или элементарные познания. Многим везло, поступали, если действительно хотели поступить. Он умел открыть глаза на красоту, если были задатки, то и появлялось желание запечатлеть.

Вот в таких условиях и был зачат «Вселенский человек». Четыре года самоотверженной работы, кочующей по домам, подвалам, дачам, не подкосили его, как сейчас пишут о нем. Он прожил миллион нарисованных человечиков. Кто еще столь продуктивен? Он писал, что хотел вопреки неблагоприятным условиям. Он не выдохся, просто не хочет суеты, полюбил сумерки, туманы и закаты. Свободный человек, оставаясь самим собой, путешествует. Есть такая потребность у художника. Светская жизнь – расточительство

сил на пустое времяпрепровождение, поэтому он и не мелькает на экране. По вашему – как? Нет дома на Рублевке – нет таланта! Это сборище не для профессионалов.

– Пусть все так и остается. – Семен выключил запись. – Идиоты, никто не задал ни одного вопроса, сидели, как зачарованные. Совершенно непонятно – почему материал обозначен, как визит к Незнакомке. Тема не раскрыта, о ней следует молчать, вот что она внушила своими откровениями о советской рутине. Биографическое исследование можно затеять, никак не меньше! Никакой идеологии, никакой лайф-стори, праздные домыслы. Мужик батрачил, как проклятый, но даже домашние не оценили его по достоинству. Бабы, честное слово, как пиявки. Куда только деньги девают?! Тут полдня листаешь каталог, а это все было создано, своими руками загнано в рамки, продано. Прежде, чем получить наличные, надо найти покупателя, никаких агентов по продаже и в помине не было, все сам. Один. Высыпал купюры на стол с грязной посудой, курил на кухне перед сном, крался, чтобы не разбудить детей.

Семен определился, это главное. Ребята, выслушав его доводы, пожали плечами, решили, что каждому надо подумать. Семен заглянул в календарь, неужели Катька оплодотворила свою яйцеклетку?! Неужели скоро он получит вознаграждение и счастье спокойной семейной жизни в отдельной просторной квартире?! Вот было бы здорово!

– А вы заметили, как легко работалось без Катьки?

Поинтересовался Семен, весьма довольный собой. Тарас и Вадим насмешливо переглянулись.

– А надолго ли? Появится новая зануда.

– Появится, – вздохнул Тарас обреченно. Семен уйдет из комнаты, и я или Вадик, устав от беспросветности общего жития, выберем себе в жены северянку, еще способную зачать, чем сильно обрадует тестя из Уренгоя, сидящего на нефтяной трубе. Это будет правильно, иначе в мегаполисе не выжить, даже получив белый воротничок.

1. 11. Суббота

Загородный особняк нежданно показался из-за вековых елей, сказочно заснеженных. Дорога оказалась нелегкой. Приглашение Валентина нарушило обычный субботний распорядок, все проснулись не отдохнувшими после напряженного вечера, ночи, непредсказуемой в шутливой ревности Антона. Завтракали спешно, желая вернуться в город до темноты. Лохматые колючие лапы скребли по стеклу, удивляя картинной красотой настоящей старинной усадьбы, которую они медленно объезжали вдоль каменной ограды с витиеватыми высокими решетками. Опешив от роскоши, никто не подумал, откуда бы у Тимея взялись деньги, чтобы жить в собственном глухом имении.

Из рассказа Валентина за два часа пути Алиса узнала о том, что они случайно встретились в Риме, у Тимея был выходной (так положено), он где-то расписывал загородную виллу. У фонтана они забавлялись шаржами, мольберт жены пустовал, она проводила время за столиком уличного кафе, дочка носилась за птицами, делала одолжения, поднося воду или бокал недорогого вина…

В 1989 году Валентин встречал в Шереметьево подругу из Праги. Париж, Нью-Йорк, Вена… Объявления о прибывающих рейсах разум помутили. Он выспросил у подруги, как ей удаются такие вояжи, и сам нашел способ собирать

группы желающих прокатиться за бугор по частным приглашениям, менял валюту в банке (марки, кроны), делал паспорта, доставал билеты, расселял первых туристов-дикарей. И так хорошо пошел бизнес, что он бросил институт, люди довольствовались карманными расходами, остальной обменный фонд он оставлял себе. Хлопот было много, привлек друзей, разумеется, наехали, крыши-то не было. Так и остался, через братьев-южков пробрался в Италию, от Ватикана на мотороллере развозил обеды для нищих, так в рясе и присел за мольберт, вспомнить уроки учителя. Загорались вечерние огни, громче зазвучала музыка, парочки разных возрастов веселились на танцевальном паркете открытого кафе. Они даже не сразу среагировали на странно нарастающий шум недовольства, пока не вскрикнула дочка Тимея. Благоверная, разогретая южным темпераментом поклонников, танцевала стриптиз на столике, но он сломался, она очень неудачно упала, скатилась по лестнице, сломала бедро. Тимей, обычно, раньше забирал семейство, хозяин страшно оскорблял и его, и жену, и всех приезжих бродяг. Полиция, скорая… у него совсем не было денег расплачиваться за ущерб, лечение.

Радость говорить на своем – руссейшем! – языке (и быть понятым!), ностальгия по Родине, оказывается, невыносимо жгучее чувство, вот и он вернулся уже в распавшийся Союз, три года скитался по монастырям, крестился, искал себя, пока вновь не наткнулся на Тимея, совершенно случайно…

Кованые ворота закрыты, парковка не очищена. Алиса с удовольствием закурила, вертелась на каблучках, прислушиваясь к снежному повизгиванию, настраиваясь на кокетливый тон чужой жены, отлично наложившей косметический трюк, притушивший взгляд в предвкушении свидания. Антон шел, понуро опустив голову, и, как ни смешно, она видела его голым, идущим по снегу босиком. Она кинулась ему навстречу, прихватив горсть снега, приглашая поиграть в снежки, свалиться в сугроб. Снежок не склеился, не долетел до мужа, он подошел вплотную, взял за плечи, встряхнул, осуждая ее прыткость печальной улыбкой. Она беззаботно перебирала варианты, почему их не встречает сам гений. Антон отдал ей сумочку из машины, толкнул неприятно скрипнувшую калитку. Глубокая тропа вела к трехэтажному дому с колоннами, заброшенной фигуре в очертаниях фонтана.

– Я договаривался, – сказал Валентин Антону. Тот понимающе кивнул. Табличка на дверях была запорошена, но Алиса все равно не обратила внимания. Они вошли в холл, разделись, присели, надо подождать немного.

– Как же так, Валентин? Вы не могли здесь подрабатывать, если учитесь в Москве? – Возмущенно воскликнула Алиса.

– Я давно уже выучился… и не здесь я его нашел, а в хирургии, его побили в туалете, сигарет не оказалось, никто же не возит. Есть же и буйные, а он тихий. Вы же не спрашивали.

Антон заглянул в кабинет, приглашенные жестом, они

неприязненно расселись. Врач с интересом и недоверчивым удивлением помечал у себя новые сведения о Тимофее Аркадьевиче. Оказалось, что бывшая жена позаботилась о нем, выдержала его четыре месяца в неврологии, поставила на учет в диспансере, чтобы поместить сюда на полгодика – год, чтобы подлечиться, потому что дети, поделив права устроителей выставок, не заботятся о нем, а оставлять без присмотра нельзя. Забрать его можно. Родственники имеют на это право.

– Вы ему родственники? Ах, просто коллеги… Можно и пораньше выписать, но по согласию детей.

– А Тимофей Аркадьевич давал согласие на пребывание здесь?

Антон умел поддерживать беседы.

– Да, письменное согласие на лечение обязательно. Курите здесь, поболтаем еще, а то такая здесь тоска, а посещения скоро начнутся, сейчас прием лекарств.

Алиса растеряно озиралась на серые стены, плохо понимая услышанное. Валентин придвинулся к ней, зашептал о том, что очень доволен тем, что идет серьезный диалог о судьбе Тимея, вот, если бы еще подтянуть из института коллег, поднять верных студентов, общественность, чтобы приструнить бессовестных детей.

– Включаясь в реальность – бытовые дрязги и дележку, он действительно становится умалишенным. Память после трагедии стала очень избирательной. Но, видите ли, им непри-

ятно, чтобы кто-то узнал о болезни знаменитого папочки. Он почти не выходит отсюда уже второй год. Дело запутанное. У всех на устах – Тимей, а то, что он живой человек, никому нет дела. Его по фамилии никто и не знает, кроме учеников! Распродали и забыли. У вас лицо как-то странно изменилось, вам лучше выйти на воздух. Антон, мы будем на улице, – тот ответил кивком, не отвлекаясь от доктора, взятого на прицел цепкого взгляда.

– Мир всегда катился в сторону, противоположную от Бога. Нашкодившие дети, мы вдруг понимаем это и вскрикиваем, вот это и есть творчество. Вскрикиваем, но вновь продолжаем расточать душу на пустяки, питающие зверя. Всегда были овцы и будут волки, а мы будем сторониться и тех и других. Что горевать об овцах, которым вырывают живьем сердце, а они молчат?! Порою думающий человек не видит в себе хищника, поедающего ближних. Так поздно приходит откровение – познание радости в элементарных вещах, таких, как свободно прогуляться в магазин за сигаретами, а хоть бы и за картошкой, самому сварить себе кофе, если хочется именно кофе, а не пить больничную бурду. Мы не замечаем легкости телодвижений, пока владеем собой и спохватываемся, когда той жизни осталось на полпинка. Я сидел на перевале, курил самокрутку, я не ел уже три дня, пил из ручья и вдруг открылась красота, я чуть вниз не свалился от восторга. Все проблемы ерунда, пока здоров, волен в своих желаниях. Радость быть своим в собственном мире

хотя бы потому, что ты сам сделал этот выбор! Да, просрочен паспорт, и нет визы в ту страну, куда я ночью буду переползать, да могут прихватить, но я постараюсь прошмыгнуть. Получилось, многое получилось, но многое оказалось ненужным. Когда зарезали Сашку у собственного подъезда – одного из компаньонов, я был румяным пузаном в подштанниках, набитых валютой. Мы могли бы откупиться, но я был вне действия сети. Я бродил по странам, теряя скарб и уже не сокрушаясь об этом. Люди они везде люди, кто-то поможет, кто-то прогонит. Злые, добрые, смешные. Солнце светит для всех, в этом и есть сущность Бога, которого мы ищем.

Валентин размышлял вслух, мало беспокоясь о том, слушает ли его Алиса, сыгравшая роковую роль в судьбе Тимея. Антон шел к ним по аллее в распахнутой дубленке, лениво вздымая ногами искристые всполохи. Алиса засеменила ему на встречу. Он поднял ей ворот и замер. Что сказать? Мелочи утрясутся, можно организовать гуманитарную помощь, присылать передачи, уйти в сторону от самой встречи, сохранив свой уклад жизни. Ненужное касательство к прошлому, глупо отрицать это. Он не побледнел, а как-то погас, руки на ее плечах отяжелели и у нее подогнулись ноги или просто каблучки соскользнули с твердого следа.

– Что надумала, лиса-Алиса? Пойдешь все-таки? Одна или нужна поддержка?

– Вместе, конечно, вместе. Мне очень страшно увидеть

его не таким, как представляла.

– Я знаю, слишком богатое воображение. Я только хочу попросить тебя, первый раз в жизни попросить. Пусть фантазии не превращают естественную жалость в чувство вины или в нечто большее, в нечто несуществующее. Пожалуйста, не сочиняй того, чего у вас никогда не было: ни в прошлом, ни в будущем. Я помогу освоиться, и не вздыхай облегченно, словно беда миновала, словно ты не ошиблась в выборе. У тебя не было выбора. Не было и не будет. Ты понимаешь, какую жестокую роль может сыграть твоя слабовольная жалость? Не зови, не ласкай бродячую собаку, если не можешь взять ее в свой дом. Ему нужна помощь, а не слезливое унижение жалостью. Договорились? Можем идти, если не передумала. Это твое право.

Проживающие пансионата прогуливались по коридорам, тремя лучами сходившимися к круглому холлу. Диваны, кресла, обитые бежевым дерматином, телевизор. Палаты были пусты. Посетителей почти не было. Тимей сидел чинно, аккуратно положив ладони на колени. При его росте он показался очень громоздким, отяжелевшим, отечным. Перемогая слезы, подтирая тушь, Алиса держалась за спинами мужчин. В ответ Тимей тихо, с опаской, поздоровался, Валентин раскручивал разговор, красочно описывая мелочные события. Припудрившись, она осмелела, присела рядом, шутливо похлопала его по руке, как бы приветствуя. Антон сжал ей локоток, предупреждая вольности, здесь не место балагану.

У нее возникло желание сильно встряхнуть его, потрепать за щеки, проорать: «Что ты здесь делаешь?! Хватит с ума сходить, Тим!»

Ее всегда бесила холодная невозмутимость, волна гнева накрыла ее, глаза метали молнии. За окном великолепный вид, словно с новогодней открытки, когда-то получившей премию. Алиса внезапно вспомнила себя – резкую, вечно бунтующую. В какую-то куколку превратилась она, нежную, беспомощную, послушную до отвращения.

Остекленевшие березовые ниточки вздрогнули, улетели воробушки, веточки со звенящим постукиванием в стекло успокоились. Тим повернулся к ней и махнул рукой:

– Галлюцинации… Мне почудился голос мадам. Она любит постоять у окна, покурить, созерцая пейзаж. Что можно увидеть в голубых снегах, кроме иллюзий, разве то хорошо, что видишь акварели. Жаль, здесь не курят, надо в сортир идти, а там бьют, но ведь у вас есть сигареты. Мало. Сигарет всегда мало. А так, чудесный вид, долгожданный покой. Ах, если бы я мог быть один в комнате, спать – когда хочется, а не когда прикажут. Нет-нет, сидите, если вам разрешили. Алиса Ивановна, я напрасно побеспокоил вас, простите покорного слугу. Вот, Валентин, мой лучший ученик из всех пятнадцати выпусков. Ленив, конечно. Да и вы были неусидчивы. Давно мы не виделись, лет пять, пожалуй? Я не писал, потому что был занят – писал. Писал много, больше в стол. Потом бросил. Потом меня все бросили, я так и не понял –

почему? Так проще, не думать – почему, иначе можно с ума сойти.

Санитары позвали больных на обед, напомнили посетителям о режиме заведения. Тимей поднялся вяло, потрогал мешки под глазами, усмехнулся, отдал папку Валентину, взял Алису под локоть и заговорил, словно нехотя:

«В полуночи глазам открыты
Полумысли в дремотном дыме.
Может, сказки уже забыты
Иль заботою дни гонимы?
Или маешься тайной мнимой,
Поминая грехи и Бога?
Смех навязчивый – липкой глиной
Покрывает мою дорогу».

Тимей развернулся на месте и пошел прочь, не оглянувшись. Валентин выждал паузу и позвал супругов одеваться. В машине было зябко, и пока прогревался мотор, Антон очищал снег с лобового стекла, присматриваясь к жене, нервно вздергивающей руку с тонко дымящей сигаретой. Неловкое откровение, словно он предал друга, но они были только партнерами, он в некотором смысле работодатель. Нелепые угрызения совести или просто здесь место тягостное. Похищение богини было добровольным. И как знать, была бы жива Алиса, если бы он оставил ее?! Вряд ли? Удручающие сомнения неуместны, если стопа женщины создана по размеру его ладони. Диапазон психологической совместимости ве-

лик у общительной барышни, но этого мало, чтобы оказаться ее супругом. Оказалось мало. Творческий флирт, чей образ изящней, витиеватей, загадочней. Воспевание любви взамен настоящего чувства.

Тронулись в молчании. Алиса наклонилась к ветровому стеклу, съежилась капризным ребенком, готовым разрыдаться. Валентин ерзал на заднем сиденье, беззаботно шурша полученными набросками. На пригорке Антон не выдержал напряжения, остановился и вышел. Впервые он пожалел, что не курит. Что Тимей говорил жене? Словно бы стихи. Ну, какой из нее поэт, писатель, художник? Недоучка, лентяйка, избалованная вниманием. Несомненно, удачная модель для целой портретной галереи.

Алиса вышла за ним, бродила вокруг. Бледное солнце позолотило купол, далекие колокола навели на мысль о заброшенных этюдах. И машина есть, и время. Желания не хватает. «А не надо думать о желаниях, делаешь – делай», – ей послышался менторский тон Тимея. На бескрайнем поле, холодном, голубеющем, особенно остро познается одиночество, ничтожность нажитого опыта, нужна лишь крохотная зацепка для глаза, позволяющая бесконечно долго смотреть ввысь, поверить в необходимость былых испытаний для познания себя. Ветка, птица, уронившая ягоды рябины на лету, или золотое свечение купола, а храма не видно, но он вырастает в душе зрителя. Вот в этом и состоит талант, заметить красоту и передать на полотне. Пусть все живут и выживают.

Выживают вопреки всему, как повелось на Руси.

Чихнул мотор, поехали! Валентин прикладывался к фляжке, весело предложил и ей для «сугреву», вдруг сконфуженно собрал в стопку наброски, передал Алисе на рассмотрение, рассуждая, что вытащить Тимея из больницы не проблема, проблема в том, что дочка не захочет делить с ним квартиру, а для работы всегда нужно место. Таланту нужны условия.

– Только работа вернет Тимея к полноценной жизни, рука у него тверда, задумок множество, я ничуть не сомневаюсь в ошеломляющем успехе.

Алиса удивленно смотрела на Валентина, конечно, он видел этот пожелтевший, чудом сохранившийся рисунок, последний в стопке. Он догадался и развел руки в свое оправдание.

– Я сам только сейчас обнаружил этот сонет в новой папке. Он говорил, что давно хотел вам его отправить. Собственно, за этим я и нашел вас.

Обнаженная пьяная гетера плясала на твердой бумаге, пока Алиса читала стихи на обороте. Ей было непонятно, о ком это? Или написано жене? Два образа слились воедино и в рисунке, и в сонете. Зато Антону вдруг все стало ясно: они были банальными любовниками. Были!

– Какая глупая шутка! Да он ни в ком не нуждался, все ему мешали. И не волнуйтесь, Валентин, с ним все будет в порядке, он и вас поработит. Ведь таланту нужны поклонники!

Вспылила Алиса, дочитав, возвращая Валентину всю папку. На повороте машина пошла юзом, зарылась носом в сугроб так, что передние дверцы не открыть. Алиса не была пристегнута. Антон бережно осматривал голову, дрожащими руками промакивал кровь, Валентин сделал примочку из снега, наложил на вздувшуюся бровь.

– Слава Богу, ушибы легкие, еще надо придержать холод. Прости, я не хотел тебя убить, я забыл проверить.

– Хотел, – улыбнулась она примиряюще. Прошлое – прошлым, а жизнь продолжается даже после смерти.

Мужчины, чертыхаясь, помогли ей выбраться через открывающиеся двери багажника. Наконец-то! Она раскинулась в мягком сугробе, одним глазом поглядывая на хлопоты по раскопке. Жгучая волна подкатила к горлу, перехватывая дух и не находя выхода. Сквозь гомон и покачивание, сквозь мутящие всполохи света она вспоминала запоздалые, а потому кощунственные, навязчивые строки признания. Как же долго он решался удостоить своей любовью! То ли жену, то ли любовницу, то ли образ на рисунке?! Надо быть не менее безумной, чтобы поверить в то, что затравленный волк любит охотника и свору собак. Приятно пощекотать самолюбие долгожданными признаниями, смысл которых даже автору не открылся. А так ясно сказал!

Домой вернулись без приключений, Валентин торопился, всучил ей аккуратно упакованную «гетеру» с сонетом, витиеватость слога и почерка, конечно, восхищала, но Алиса

крикнула ему вслед: «Знайте, он был жестоким! И он ничуть не изменился, запомните!»

Валентин не обратил внимания, тем более что он и не спрашивал, каким-таким был Тимей. Он знал его в лучшие годы и сейчас он рядом с ним. И ему неважно, каким он был. Он есть, а это главное!

1. 12. Полнолуние

Крутые проржавевшие ступени, убого претендующие на винтовую лестницу, ведут в глубокий подвал, поделенный на мастерскую скульптора и котельную. Ученицы и натурщицы предупреждены о том, что сюда они идут работать (без шпилек), а не ломать ноги, если оступятся в темноте. Алиса страшилась этого спуска и редко выбиралась на белый свет. Иногда Тимей ворчал, потому что все внешние связи осуществлял один, кроме сбыта картин еще была нужда добывать пропитание и материалы для работы. Портреты приносили регулярный доход, но денег никогда не было. Не водилось. Приходилось откупаться от семейства. Илонка настигала его на Арбате, и он подозревал владельца салона, что тот попросту закладывает его. Но это мелочи.

Роман захватил, увлек его, ужасая откровениями и прозрениями в будущее – свое и окружающих, вознес его над будничными заботами. Он презирал свое профессорство и ничуть не жалел о том, что бросил студентов. Глупые первокурсницы в белых колготках пытались прельстить его, а бородатые коллеги на кафедре посмеивались над его невнимательностью или щепетильностью к нимфам, не умеющим рисовать. Надо иметь крепкие нервы, чтобы весь год подправлять кривые пирамиды и горшки на их натюрмортах, не повышая голоса. Он мог вежливо натаскивать последние

курсы в мастерстве, где попадались студенты гораздо старше его, остальных он игнорировал, грубить он не умел, и терять дорогое время не желал.

Отдыхая от «Вселенского человека», он составил каталог проданных картин и поразился собственной плодовитости. Оказалось очень разумным, отснять на слайды и фотопленку, уходящие за кордон работы. Друзья сочли странным, что он в тридцать два года начал подводить итоги, предостерегали о судьбе скульптора, чью мастерскую они перехватили. Обычная, очень обстоятельная, переоценка ценностей. Нельзя размышлять, не оставляя следа хотя бы на бумаге. Вот уже полгода он не трогал краски, хотя с карандашом не расставался. Он снисходительно поглядывал на Альку, расписывающую собственный портрет, не мешая ей фантазировать в интерьерах, драпировках, цветах. У нее работа именно кипела. Он же выстукивал на машинке, анализируя будущее, но в прошедшем времени. Без нее! Она – не Маргарита, он – не мастер. Это уже было. За рукописи не платят, любимые умирают, художники сходят с ума. Просто жизнь, ее не следует бояться, ею надо наслаждаться, ничего не откладывая на потом, про запас.

Взгляд спокойный, древний, что-то пристально хищное из темноты. Именно взгляд привлекает покупателя. Никто не подозревает о сговоре, не замечает подвоха. Иногда приходится сдерживать ее пыл, гасить буйство красок, она чутко принимает замечания – без обид. Он не восхищался ею – как

ученицей, у нее были иные достоинства, свое предназначение, которое он пытается уловить, сочиняя роман о художнике, обязанный расставить точки в неосмотрительно запутанных отношениях, начатых еще первым мужем, вынудившим Тимея исполнить заказанный портрет дражайшей супруги бесплатно. Страшно подумать, как давно они знакомы, а взгляд не изменился, сверкает, держит в постоянном напряжении, но не пугает готовностью к внезапному прыжку, все-таки это просто картинка на стену.

Сеансы отнимали лучшие рабочие часы, но Алиса Ивановна не торопилась домой, упивалась смущением беременной Илонки, несколько раз пытавшейся воспользоваться бесплатной натурой, и все неудачно. Тимей расставил несколько мольбертов, бродил между ними в поисках единственно нужного света и ракурса, разоблачившего хитрую бестию. Рыжая интриганка, недоучившаяся эстетка, думал он о ней, пробуя то карандаш, то акварель, то уголь, вновь возвращаясь к маслу.

Она подалась чуть вперед до того, как он попросил ее об этом. Она чувствовала все, что с ним происходило, словно мысли читала. Он остановился с открытым ртом, но не устыдился: «Да, вот так, замрите!» По всем техническим канонам несколько вариантов заказа были готовы. Но властительный подкаблучник только покачал головой: не разгадали. Он был безоговорочно счастлив и, как все удачливые управленцы, он стремился всех осчастливить, предоставляя сомнитель-

ным личностям – музыкантам, поэтам, актерам, художникам, садовникам, декораторам обширные помещения за мизерную культурную программу для пансионата. Он был хорошим человеком, все были довольны. – «Всегда! Всегда надо поступать по-человечески», – приговаривал он, да на него никогда и не жаловались в партком. Перестройка лишила его не только должности, но и супруги. По его разумению Алиса несла на себе печать небесной красоты – явление редкое и хрупкое. Несомненно, Алиса увлекалась придворными гениями, а после крушения богемного «княжества», не осталась без свиты, продолжая хранить верность самой себе. Безоблачные годы развеялись ветром перемен, стихийные бедствия не раз перетрясли круг беззаботного общения аристократов духа. Каждый спасался как мог, выворачиваясь на изнанку, не всегда опрятную. Очаровательная, избалованная им, болонка-Илонка обнажила волчьи клыки, ее алчность не знала приличий, последний год она спала с мужем только за деньги.

Тимей смирился, никак не осмысляя происходящее. Мужчины не прощают развеянных иллюзий. Не больше, не меньше. А какой он муж или отец? Он художник, дух, существо без пола, без мастерской. Удручающие обстоятельства изменили многих, узнавших горький вкус предательства. Но вот улыбка Алисы не стала печальной, было бы непривычно и странно заниматься чем-то, не чувствуя на себе преследования ее глаз. Загипнотизированный однажды

взором азартной охотницы он продолжал разгадывать, смутно предполагая на негустых страницах о том, что же случится, если нечаянная удача вдруг настигнет эти пробы пера.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.